Е. Лазаревъ.

[illegible]
[illegible]

ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ

ОСВОБОЖДЕНІИ

КРЕСТЬЯНЪ.

МОСКВА.—1918.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА

24
33

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
24 28928
М
Л Р

МОСКВА.—1918.
ТИПОГРАФІЯ Т-ВА ПЕЧАТНАГО И ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА „ЗАДРУГА".
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій, 9.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Для людей, меня знающихъ давно, не секретъ, что я отличаюсь баснословнымъ безпамятствомъ. Имена самыхъ близкихъ мнѣ людей или только что произнесенныя имена быстро улетучиваются изъ моей памяти. Переданныя по телефону имя, отчество и фамилію мнѣ рѣдко удается донести въ цѣлости до сосѣдней комнаты.

И невольно напрашивается вопросъ: какъ можно при такихъ качествахъ браться за писаніе своихъ „воспоминаній“ о событіяхъ, происходившихъ полвѣка тому назадъ и даже въ болѣе глубокія и незапамятныя времена.

И, однако, будучи въ полномъ умѣ и твердомъ сознаніи своихъ недостатковъ, я рѣшилъ записать свои воспоминанія объ освобожденіи крестьянъ...

Въ оправданіе своего поступка и въ объясненіе всего никѣмъ ненаписаннаго я долженъ сказать о своей другой особенности.

Оглядываясь назадъ, т. е. разсматривая перспективу своей прошедшей жизни, я представляю себѣ эту жизнь въ формѣ длинной, предлинной стеклянной воронки, наполненной, какъ прозрачными зернами, неисчислимымъ количествомъ впечатлѣній, полученныхъ въ разныя времена и въ разныхъ частяхъ свѣта отъ различныхъ лицъ, живыхъ и мертвыхъ предметовъ и цѣлыхъ событій. Широкій конецъ этой воронки обращенъ къ моему умственному оку.

Чѣмъ ближе къ глазу, тѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе становятся впечатлѣнія. Въ широкомъ концѣ воронки глазъ уже не можетъ охватить сразу всего поля зрѣнія и подмѣтить общую связь всѣхъ событій: вниманіе разсѣивается, и вмѣсто связной картины получается какой-то хаосъ.

Но зато, проникая въ глубь жизненной воронки, къ узкому концу ея, взоръ останавливается на днѣ ея—на двухъ, трехъ или нѣсколькихъ событіяхъ, которыя, не затемненныя ничѣмъ, вырисовываются съ необыкновенной яркостью. Событія далекаго дѣтства встаютъ передо мной съ такой ясностью, что, мнѣ кажется, я становлюсь способнымъ переживать и видѣть то, что не дано переживать и видѣть многимъ людямъ, обладающимъ богатой памятью.

Поэтому пусть читатель не удивляется, если я скажу, что я „помню“ не только обстановку, но и моментъ моего рожденія. Я помню, что я родился въ барской банѣ на полкѣ—на томъ самомъ полкѣ, гдѣ впослѣдствіи мнѣ столько разъ приходилось мыться съ своей матерью. Я помню, что эту баню одна добрая фея, пожелавшая быть моей крестной матерью, велѣла протопить, съ нарочитой цѣлью — дать мнѣ возможность въ надлежащемъ теплѣ и съ надлежащимъ комфортомъ провести первый день моего рожденія. И дѣйствительно, въ этихъ видахъ — лучшаго, болѣе уютнаго и болѣе укромнаго уголка, по тѣмъ временамъ, нельзя было найти по всей окрестности!

Я, какъ сейчасъ, вижу свѣжую солому, разостланную на полкѣ и покрытую какими-то самотканными одѣяніями, — постель, на которой я впервые увидѣлъ Божій свѣтъ.

Я, какъ сейчасъ, слышу свой первый крикъ, похожій, по выраженію моей матери, скорѣе „на ревъ взрослаго ребенка, чѣмъ на писк новорожденнаго младенца“. А въ

распознаваніи дѣтскихъ криковъ, какъ читатель увидитъ далѣе, мать моя была женщина весьма опытная.

Я помню также во всѣхъ подробностяхъ, какъ я тонулъ дважды, будучи двухъ и трехъ-лѣтнимъ ребенкомъ.

Въ первый разъ я попробовалъ въ погребѣ... Весной, послѣ половодья, когда погребъ до половины былъ наполненъ водой отъ растаявшаго снѣга, отецъ съ матерью сливали сусло на погребицѣ. Отверстіе въ погребѣ было прикрыто только прутьями и набросанной сверху соломой. Ползая и карабкаясь около ногъ отца, я самоувѣренно ступилъ на солому и полетѣлъ внизъ... Отецъ, услышавъ бульканье, обернулся и увидѣлъ... дыру. Моментально отбросилъ онъ солому и хворостъ и прыгнулъ вслѣдъ за мной. Я живо представляю себѣ, какъ онъ нащупалъ меня ногой на днѣ, какъ нырнулъ и поднялъ меня вверхъ ногой, стоя самъ по шею въ водѣ. Я, какъ сейчасъ, слышу его крики: „Лѣстницу! лѣстницу!“ Я слышу раздирающіе крики прибѣжавшей матери. Я помню, какъ отецъ не хотѣлъ передать ей меня — изъ боязни, чтобы она сама не свалилась и не уронила меня снова. Я слышу, какъ прибѣжалъ на помощь неизвѣстный мужчина, который и принялъ отъ отца закоченѣвшее тѣльце маленькаго негодяя.

Я помню далѣе, какъ въ возрастѣ трехъ-четырехъ лѣтъ, купаясь въ пруду, близъ водяной мельницы, съ болѣе взрослымъ товарищемъ, Петькой Зиновьевымъ, я, уже одѣвшись влѣзъ на дальній конецъ длинной и широкой скамейки, служившей мѣстомъ для полосканья бѣлья, и тамъ, поскользнувшись, свалился въ воду. Я, какъ сейчасъ, вижу, какъ теченіемъ воды несетъ какое-то темное пятно къ знакомому каузу; какъ Петька побѣжалъ къ помольной избѣ и, встрѣтивъ пасѣчника и перепелятника Лукьяна, сказалъ ему о томъ, что я „плыву“ въ пруду. Я, какъ сейчасъ, вижу добраго Лукьяна, съ черной бородой, летящимъ къ пруду съ быстротой стрѣлы;

вотъ онъ замѣтилъ маленькаго „пловца“, сдѣлалъ страшный скачекъ на перерѣзъ моему ходу и, борясь съ сильнымъ теченіемъ близъ входа въ каузъ, схватилъ меня одной рукой за рубашку, съ трудомъ подплылъ къ берегу и подалъ мокраго пловца въ руки обезумѣвшей матери.

Все помню до мельчайшихъ подробностей. Помню спасителя моего добраго Лукьяна, который потомъ не разъ кормилъ меня сотовымъ медомъ, поставлял перепелокъ, которыхъ онъ искусно ловилъ сѣтью, исключительно для барскаго стола. Помню ту скамейку, съ которой я сорвался и на которой впослѣдствіи снова игралъ столько разъ.

Читатель непремѣнно подумаетъ, что я зн ю всѣ эти подробности благодаря множеству свидѣтелей, которые, сотни разъ повторяя мнѣ на разные лады свои разсказы объ этихъ событіяхъ, внушили мнѣ ложное убѣжденіе, что я слышалъ и видѣлъ то, что ни одинъ смертный ни слышать, ни видѣть не можетъ.

Быть можетъ, это и правда... Даже навѣрное — правда. Я слышалъ о многомъ сотни разъ уже въ зрѣломъ и даже пожиломъ возрастѣ при каждой встрѣчѣ съ друзьями и товарищами ранняго дѣтства. Я выслушивалъ отъ нихъ терпѣливо и съ затаенной радостью всякую мелочь изъ ихъ воспоминаній и напоминаній о давно прошедшихъ временахъ. Передо мной встаютъ, какъ живые, образы людей и цѣлыя картины событій, иногда имѣвшихъ мѣсто до моего появленія на свѣтъ, но совершившихся въ близко знакомой мнѣ обстановкѣ. Эти образы и эти картины встаютъ передо мной съ такой ясностью, что часто трудно разобрать, что я знаю лично и что — по разсказамъ.

Послѣ этихъ оговорокъ читатель пусть не удивится, если я перенесу его прямо въ давнопрошедшія времена.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Доисторическія времена.

I.

Крѣпостное село.

Въ какомъ году—разсчитывай, въ какой странѣ—угадывай, въ одной степной губерніи, при столбовой дороженькѣ, по берегамъ рѣченки крохотной стоитъ себѣ, раскинулось имѣніе господъ Карповыхъ, огромное, богатое село Успенское-Грачевка тожъ.

Всякій, видѣвшій современную Грачевку, изъ дальнѣйшаго описанія убѣдится, что здѣсь идетъ рѣчь о Грачевкѣ древнѣйшихъ временъ.

Нѣкогда широкія, свѣтлыя и чистыя улицы этого обширнаго села теперь испакощены, обезображены цѣлымъ рядомъ глубокихъ ямъ съ земляными насыпями, напоминающими муравьиныя кучи, гдѣ жители Грачевки укрываются отъ лѣтней жары и круглый годъ старательно гноятъ свое платье и всякую домашнюю рухлядь — въ надеждѣ, хотя бы въ прѣломъ видѣ спасти ее отъ огня... [1])

---

[1]) Съ удовольствіемъ дѣлаю поправку: незадолго до настоящей войны, мѣстный блюститель порядка, земскій начальникъ, издалъ декретъ: срыть кучи и засыпать ямы! И теперь улицы Грачевки вновь приняли первобытный красивый видъ. Е. Л.

Веселая, красивая улица прежней Грачевки, разставленная на всю ширину прежней скотопрогонной дороги, пересѣкала черезъ рѣку обѣ стороны села. По ней проходили изъ киргизскихъ степей непрерывной вереницей огромныя стада рогатаго скота и гурты барановъ-курдюковъ.

Правый порядокъ входной улицы, далеко не доходя до рѣки, поворачивалъ направо подъ прямымъ угломъ чуть не на версту, образуя обширную и длинную площадь, раздѣленную старой церковью съ деревянной оградой на двѣ квадратныя части: на площадь крестьянскую и площадь барскую. На послѣдней когда-то стояла только одна барская каменная кузница съ жилымъ помѣщеніемъ для семьи кузнеца.

Недалеко отъ церкви, черезъ дорогу къ рѣкѣ, былъ палисадникъ съ большими деревьями, черезъ верхушки которыхъ виднѣлась крыша барскаго дома.

Какъ и въ настоящее время, при бѣгломъ взглядѣ на село съ его избами и соломенными крышами оно походило на стадо овецъ, которыя кажутся всѣ похожими одна на другую. Но при внимательномъ обзорѣ здѣсь можно было видѣть все разнообразіе типовъ, свойственныхъ и самому человѣческому роду. Тутъ были избы старыя и молодыя, только что народившіяся и отъ ветхости на половину ушедшія уже въ землю. Были бойкія и веселыя, съ задорно вздернутыми кверху коньками, и были хмурыя, низенькія и неуклюжія. Были двуглазыя и кривыя — одноглазые циклопы; зрячія и подслѣповатыя, съ оконными звеньями изъ дощечекъ и животнаго пузыря.

У каждой избы — подъ конькомъ у слухового окна или на длинной жерди, на одномъ изъ столбовъ на воротахъ — неизмѣнно виднѣлась деревянная скворечница. На тѣхъ же столбахъ — чего ужъ нѣтъ теперь — столь же неизмѣнно стояли снопы длиннаго, бѣлаго и пушистаго ковыля — вѣрный признакъ обилія дѣвственной земли, степной цѣлины.

Новое обстоятельство должно было поразить глазъ современнаго намъ человѣка: на крышахъ избъ совсѣмъ не было видно трубъ...

Проникнувъ черезъ калитку или ворота внутрь обнесеннаго плетнемъ двора, мы, какъ и въ настоящее время, увидимъ покрытый соломою навѣсъ, подъ которымъ находится колода для корма лошадей; далѣе идутъ хлѣвы и сѣнцы съ крыльцомъ или безъ крыльца, но всегда съ крытымъ навѣсомъ.

При входѣ въ самую избу своеобразный образъ жизни прежнихъ крестьянъ обнаруживался съ полной ясностью. Носъ тотчасъ же узналъ спеціальный запахъ копченой избы. Избы были „курныя“. Трубъ для отвода дыма изъ печи наружу — не полагалось. Такія трубы считались барской и бусурманской затѣей. Въ истинно-русской избѣ дымъ изъ печного чела долженъ былъ валить прямо вверхъ къ потолку, наполняя собою всю избу, чуть не до самаго пола, и выходить въ отворенную дверь (а лѣтомъ — и въ окна) наружу. Такъ было лѣтомъ, такъ было и зимой. Вслѣдствіе этого, по утрамъ, во время топки печи, обитатели этихъ жилищъ ходили обыкновенно согнувшись, со слезами на глазахъ; кряхтѣли, пыхтѣли и откашливались, глотая время отъ времени чистый воздухъ близъ самаго пола.

По тѣмъ же причинамъ обитатели курныхъ избъ во время топки печей узнавали другъ друга больше по ногамъ, а не по лицу, какъ это вошло въ моду въ позднѣйшія времена.

Курныя избы, въ отличіе отъ трубныхъ, коптились и внутри и снаружи и потому самими жителями назывались „черными“ — въ пику трубнымъ, которыя назывались „бѣлыми“. Такъ и говорилось тогда: „топить по бѣлому“, „топить по черному“.

Истинно-русская черная изба искони вѣковъ была снабжена крупными, толстыми и жирными „черными“ тараканами, тогда какъ въ бѣлой избѣ водились преимущественно приве-

зенные изъ чужихъ земель, вмѣстѣ съ бѣлыми трубами, тонкіе, поджарые и рыжіе тараканы, которыхъ и называли въ отличіе отъ истинно-русскихъ—пруссаками.

Черная изба къ большимъ праздникамъ обыкновенно мылась и скоблилась „косаремъ“ вся цѣликомъ: полъ, стѣны и потолокъ.

II.

Въ курной избѣ.

Въ тѣ отдаленныя времена обитателямъ этихъ избъ приходилось разрѣшать очень сложный жилищный вопросъ: какъ размѣстить въ одной избѣ все семейное населеніе?

Чтобы понять сложность задачи, нужно замѣтить, что въ прежнія времена главы семействъ ухитрялись нерѣдко доживать до ста лѣтъ, т. е. жить цѣлый „вѣкъ“. Отъ прежнихъ людей къ намъ и выраженіе дошло: „прожить свой вѣкъ“. Два, три, а то и четыре сына такого главы семейства, въ возрастѣ отъ 50 до 70 лѣтъ, жили съ своимъ потомствомъ подъ началомъ старика отца — вмѣстѣ, подъ одной крышей. Несвоевременныхъ дѣлежей тогда не полагалось. Спрашивается: какъ при такихъ условіяхъ размѣстить огромную артель съ грудными младенцами въ одной избѣ?

Лѣтомъ этотъ вопросъ не представляль особыхъ трудностей: люди спали въ сѣняхъ, въ хлѣвахъ, на дворѣ и на повѣтяхъ подъ открытымъ небомъ. Но зимой, когда къ двуногому населенію пріобщалось населеніе четвероногое — телята и ягнята, къ которымъ по утрамъ и вечерамъ приходили ихъ матери покормить молокомъ?

Коровы-новотелы морозной зимой по утрамъ сами приходили въ избу доиться, протискиваясь сквозь узкія сѣнныя и избныя двери съ безцеремонностью исконныхъ членовъ семьи.

Въ силу такихъ условій и выработался особый типъ великорусской избы. Значительная часть ея занята печкой съ рядомъ боковыхъ „печурокъ" или широкихъ норъ, для сушки варегъ, рукавицъ и т. п. мелочи. На печкѣ сушится остальная одежда и обувь: чулки, лапти, валенки и проч. На печкѣ же помѣщаются и грѣются старики и дѣти. Въ самой печкѣ хранится огонь и сохнутъ березовыя полѣнья на лучину и сама лучина.

Прямо у двери въ противоположномъ отъ печки углу помѣщается „конникъ" или „кутникъ" — родъ нары. Дальше по стѣнамъ идутъ кругомъ избы широкія лавки. Большой столъ въ переднемъ углу, а также лохань и „свѣтецъ" — являлись необходимыми принадлежностями каждой избы. Остается полъ, который и дѣлился по семейному съ телятами и ягнятами.

И вотъ именно для увеличенія спальной поверхности и изобрѣтены русскія „палати". Это — своего рода второй этажъ, мезонинъ, верхнія палаты, „горница". Онъ тянутся на половинѣ избы отъ самой печки до противоположной стѣны.

Если къ этой мебели прибавить, по временамъ, необходимый для каждой семьи станъ для тканья всякихъ матерій, мы будемъ имѣть болѣе или менѣе полное представленіе о замѣчательной способности прежнихъ людей обходить законъ непроницаемости, а также и о томъ, почему, пережив дѣтскій возрастъ, они доживали до Мафусаиловыхъ лѣтъ.

А въ зимнія долгія ночи!... Когда на дворѣ воетъ вьюга, когда и дворъ, и сама изба до самой крыши заносится снѣгомъ!... Время — далеко за полночь... Не пѣли еще первые пѣтухи, а старику и старухѣ не спится. Старуха встаетъ, спускается съ печки, открываетъ заслонъ, достаетъ изъ печки тлѣющій уголь и, приставъ его кончикомъ тонкой лучинки, искусно „взгребаетъ" огонь.

Съ привычнымъ брюзжаніемъ поднимаетъ она всѣхъ остальныхъ бабъ и дѣвокъ, садится сама и усаживаетъ ихъ за пряжу. У каждой свое „донце", свой гребень, своя чесальная гребенка и щетка, своя куделя, свои „мочки".

И кружатся первобытныя веретена подъ опытными пальцами русской крестьянки, вухнутъ, толстѣютъ они отъ наверченной пряжи, которая потомъ превращается въ длинные мотки, мотки идутъ на пѣвки, цѣвки — въ челнокъ, а съ челнока пряжа превращалась въ разнаго рода ткани, которыми и одѣвала и обувала вею страну русская крестьянская женщина...

Подъ вой этой снѣжной вьюги, подъ жужжанье этихъ веретенъ, подъ постоянное брюзжаніе стариковъ, при мигающемъ свѣтѣ лучины и создалась въ этой курной избѣ, главнымъ образомъ, — молодою русской женщиной, эта „пѣсня, подобная стону"...

Говорятъ: не богата по своему содержанію великорусская пѣсня!... однообразна она!...

Еще бы!... Откуда было взять русской пѣснѣ сложное и разнообразное содержаніе при такой жизненной обстановкѣ?

Но зато мотивы, вливавшіе душу въ эти бѣдныя слова, лились изъ самой глубины наболѣвшаго сердца!...

Сколько разъ въ дѣтствѣ мнѣ самому приходилось наблюдать такую картину:

Посредивѣ избы, на деревянномъ обрубкѣ, сидитъ отецъ, „плететъ" или „ковыряетъ" лапти, а мать и двѣ „невѣстки", жены моихъ старшихъ братьевъ, сидятъ на лавкахъ, при свѣтѣ лучины, и поютъ всѣ четверо:

„Не одна-то во полѣ дороженька пролегала,
„Не одна-то во сыромъ бору кукушечка куковала"...

Или:

„Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить,

„Пришло времячко, начало мое сердце крушить.

„Со вздыханьица с грѣчку стало тяжело“ и проч.

Или:

„Охъ, вы ночи, темныя, осенія!

„Всѣ я ноченьки, млада, просидѣла“, и проч.

Или:

„Лучина лучинушка...

„Или тебя мать-свекровушка водой полила“...

Эти пѣсни — стоны дѣвушки или молодой русской женщины-крестьянки.

III.

Подъ открытымъ небомъ.

Только ознакомившись съ курной избой и съ положеніемъ ея обитателей, станетъ понятнѣе, почему, вырвавшись изъ душной курной избы на улицу, на широкую площадь, на просторъ полей и луговъ, всѣ накопившіяся и подавленныя муки молодой Россіи переходили въ свою противоположность и разрѣшались взрывомъ бурнаго веселья — удалой, безшабашной пѣснью или ухарской, залихватской пляской!...

Понятнѣе станетъ и высокое, чарующее и поэтическое значеніе всѣхъ древнихъ „языческихъ“ праздниковъ, переодѣтыхъ въ христіанскія рубища. Понятно ожиданіе крестьянской молодежью прихода Ивана Купалы и Яра — красной весны и краснаго лѣта, когда можно быть на просторѣ полей, внѣ гнетущаго надзора со стороны семейныхъ патріарховъ.

И нужно сознаться: въ современной крестьянской молодежи нѣтъ уже ни въ пѣсняхъ, ни въ танцахъ того бурнаго веселья, какое проявлялось въ былыя времена.

Культура и цивилизація, пріютившись въ опредѣленныхъ слояхъ общества, конечно, опережаютъ въ своемъ ростѣ само-

стоятельное народное творчество и привносятъ теперь со стороны въ народную массу все новые и новые какъ положительные, такъ и отрицательные элементы. Въ былыя же времена каждый долженъ былъ самъ, если не творить, то принимать живое участіе въ коллективномъ творчествѣ.

И при помощи какихъ скромныхъ средствъ осуществлялось тогда это бурное веселье и коллективное творчество!

Въ отличіе отъ тоскливыхъ пѣсенъ одинокихъ „кукушечекъ“ и „синотиночекъ“, веселыя пѣсни требовали хора соединенія многихъ голосовъ, жизни на міру. А танцы, въ свою очередь, требовали хоровода. — И теперь пѣть и кажется, не будетъ больше прежнихъ хороводовъ!...

Послѣ человѣческаго голоса, музыкальное творчество осуществлялось — изъ струнныхъ инструментовъ только самодѣльной балалайкой. Про гармонику въ тѣ времена и помину не было.

Изъ духовыхъ инструментовъ были извѣстны только свирѣль и тростяныя дудки, которыя подбирались парами и для усиленія резонанса вставлялись свободными концами въ узкій конецъ коровьяго или бычачьяго рога, игравшаго роль рупора. Требовалось великое искусство или, скорѣе, египетское терпѣніе, чтобы подобрать трости надлежащей толщины и нарѣзать пару „язычковъ“ и четыре пары „дудокъ“ одинаковой музыкальной высоты. — А все это сдѣлать при помощи простого ножа и русскаго глазомѣра.

Какъ ни скромны были эти музыкальные инструменты — балалайка, свирѣль и дудки, — но среди балалаечниковъ и дударей появлялись свои доморощенные Тирсеи и Пиндары, которые пользовались на селѣ громкой славой и всеобщимъ почетомъ.

IV.

На барскомъ дворѣ.

Съ древнѣйшихъ временъ село Грачевка составляло имѣніе господъ Карповыхъ. Сначала оно стояло на три версты ближе къ теперешней станціи Грачевка, Ташкентск. ж. д., приблизительно на версту отъ нея, гдѣ до позднѣйшихъ временъ хранилась маленькая деревянная часовня. Послѣ большого пожара и за недостаткомъ воды все село перенесли на три версты ниже, расположивъ его по обѣ стороны рѣчонки Грачевки.

Когда-то два брата Карповыхъ послѣ смерти своего отца подѣлили между собой и крестьянъ и землю на двѣ равныя части, проведя грань по рѣчкѣ Грачевкѣ. Та сторона, гдѣ стояла Успенская церковь, въ отличіе отъ другой стала называться „Успенское-Грачевка-тожъ“, а другая, „зарѣчная“ сторона удержала старое имя — просто Грачевка. Но въ глазахъ безпристрастнаго географа та и другая сторона всегда составляли одно село, просто Грачевку.

Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ въ этомъ селѣ существовало два отдѣльныхъ имѣнія, два отдѣльныхъ общества, два отдѣльныхъ барина и два отдѣльныхъ барскихъ двора. Въ данномъ случаѣ предметомъ нашего повѣствованія будетъ барскій дворъ въ селѣ Успенскомъ-Грачевка-тожъ.

Барскій дворъ начинался тотчасъ же за церковной оградой, которая отдѣлялась отъ ограды барскаго палисадника только одной дорогой. Уголъ двора начинался длиннымъ деревяннымъ флигелемъ на высокомъ каменномъ фундаментѣ. Въ этомъ флигелѣ была кухня съ поварами, контора съ конторщиками и приказчикомъ и нѣкоторыя другія почетныя службы. Входъ во флигель былъ только со двора.

За флигелемъ вели во дворъ широкія ворота съ аркой, за которыми слѣдовала длинная рѣшетчатая изгородь, отъ-

женная на довольно высокомъ каменномъ фундаментѣ. Высокая рѣшетка была заключена въ рядъ высокихъ круглыхъ каменныхъ столбовъ съ посаженными на ихъ верхушкахъ разноцвѣтными шарами.

Съ другого конца рѣшетка упиралась въ уголъ каменнаго сарая, за которымъ шли: скотный дворъ, огородъ и небольшой порядокъ изъ избъ, гдѣ жили семьи дворовыхъ людей.

При входѣ въ ворота передъ глазами открывался обширный дворъ, ограниченный съ правой стороны длиннымъ каменнымъ сараемъ — для конюшенъ, погребовъ, кладовыхъ и проч. Далѣе — ходъ на птичій и скотный дворы и калитка въ большой садъ съ оранжереями, расположенный вдоль запруженной рѣченки.

Налѣво, на нѣкоторомъ разстояніи отъ флигеля, стоялъ большой двухъэтажный домъ съ двумя отдѣльными половинами и двумя отдѣльными крыльцами.

„Крыльцо", „конюшня", „приказчикъ", „лѣвичья", „лакейская", „людская" — какія это банальныя и ничего не говорящія теперь — ни сердцу, ни уму — слова!... И наоборотъ, какой глубокій смыслъ вкладывало въ нихъ крѣпостное человѣчество!...

Крыльцо — это лобное мѣсто, трибуна, гдѣ совершалось крѣпостное правосудіе, гдѣ творился судъ и постановлялись безапелляціонныя рѣшенія нелицепріятнымъ судьей въ лицѣ всевластнаго, самодержавнаго помѣщика! Онъ имѣлъ силу карать и миловать: въ тяжкихъ случаяхъ — ссылать въ Сибирь и отдавать безъ очереди въ солдаты; въ менѣе важныхъ дѣлахъ — расправляться домашними средствами, сѣчь розгами и бить батогами.

Конюшня была мѣстомъ, гдѣ приговоры приводились въ исполненіе. „Сѣченіе" или „порка" бывали разныхъ степеней: просто „выпороть", „спустить двѣ, три, четыре и до

семи шкуръ". Нѣкоторые изъ дворовыхъ оставляли по себѣ громкую память въ потомствѣ, благодаря ихъ утонченному искусству „писать на запахъ".

Приказчикъ, бурмистръ, очень часто рисовался въ воображеніи полупаднаго населенія чѣмъ-то въ родѣ Малюты Скуратова, при чемъ многіе дворовые играли первую роль опричниковъ.

Людская, дѣвичья, лакейская, въ сопоставленіи съ „скотнымъ" и „птичьимъ" дворами означали помѣщенія, гдѣ содержится двуногій скотъ, въ отличіе отъ скота четвероногаго и пернатой твари.

Сѣнныя и горничныя дѣвушки явились прямымъ пережиткомъ и продолженіемъ татарско-гаремной жизни русской женщины въ боярской Руси, съ ея „затворами", „теремами" или тюрьмами.

Только теперь сѣнныя и горничныя дѣвушки часто набирались по вкусу не боярынею, а „молодыхъ господъ".

Права первой ночи юридически не существовало, но фактически оно проявлялось въ не менѣе постыдныхъ формахъ. Помѣщикъ имѣлъ власть отдавать замужъ и женить своихъ крѣпостныхъ по своему произволу за кого и на комъ ему угодно.

Часто случалось, что при несогласіи родителей выдать свою дочь за того или другого жениха родители посягѣдняго прибѣгали къ покровительству экономa, приказчика, конторщика, повара, фильки трубача или какого-нибудь другого приближеннаго лица, и тѣ, пользуясь благопріятной минутой и добрымъ расположеніемъ барина, выхлопатывали бѣдную милость для своихъ любимцевъ, родныхъ или знакомыхъ. И покровители и покровительствуемые, добившись барской милости, не видѣли ничего предосудительнаго въ томъ, что они тащатъ силкомъ въ чужую семью дѣвушку, которая любитъ другого и всей душой ненавидитъ всѣхъ членовъ навязанной ноной семьи.

V.

Патріархальная семья.

Тацитъ былъ правъ людей того времени. Рабство однихъ и произволъ другихъ въ одинаковой степени развращали обѣ стороны.

Система неограниченнаго произвола охватила сверху до низу весь строй государственной, общественной и семейной жизни. Самодержавіе въ государственномъ правленіи, самодурство въ управленіи помѣстномъ, самодержавіе и въ нѣдрахъ каждой семьи.

И Мольниковъ недаромъ и не зря въ „Новомъ Времени“ писалъ, что „неограниченная власть не есть власть твердая. Неограниченная власть среди анархіи, самовластіе и самоволіе — синонимы“

Родители своихъ дѣтей и мужья своихъ женъ считали также свою собственностью, которою могли распоряжаться по своему усмотрѣнію, если только ихъ произволъ случайно не ограничивался произволомъ высшаго порядка. Родители могли безнаказанно бить и калѣчить своихъ дѣтей, мужья — своихъ женъ, и, что всего ужаснѣе, малѣйшій протестъ со стороны жертвы разсматривался палачами и нерѣдко самими жертвами, какъ преступное возмущеніе и даже кощунство!

Родители не спрашивали своихъ дѣтей, за кого они хотятъ выходить замужъ или на комъ хотятъ жениться. Они одни, за кружкой пива или полоща вмѣстѣ бѣлье на рѣчкѣ, толковывались между собой и рѣшали на всю жизнь судьбу своихъ дѣтей.

Конечно, во многихъ случаяхъ родители предоставляли слово и даже свободу выбора своимъ дѣтямъ, но при системѣ повсемѣстнаго и перекрестнаго произвола случаи совершенно „счастливыхъ браковъ“ были чрезвычайно рѣдки. Въ значи-

тельной степени это обусловливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что молодыхъ людей женили и выдавали замужъ тогда очень рано, чуть не въ дѣтскомъ возрастѣ, когда надежнаго критерія при выборѣ себѣ пары нельзя еще найти даже въ половомъ чувствѣ.

И старики-отцы и матери при всякой попыткѣ со стороны дѣтей самимъ сдѣлать выборъ искренно и добросовѣстно возмущялись, говоря: какъ можно допустить, чтобы глупая неопытная дѣвченка или такой же мальчишка рѣшали сами такое важное дѣло, какъ выборъ мужа и новой семьи?!...

VI.

Счастливая парочка.

Но говорятъ, что и въ самомъ аду бываютъ счастливыя исключенія. Нашлось счастливое исключеніе и въ селѣ Успенскомъ-Грачевка-тожъ.

У степеннаго мужика Лазаря и его жены Настасьи оставался послѣдній не женатый сынъ Егорка. Егорка былъ, какъ говорится, „парень золотыя руки": что косить, что жать, что за скотиной ходить — на все расторопный.

Будучи средняго роста, Егорка отличался большой физической силой и необыкновенной ловкостью. Въ обычной борьбѣ онъ никакихъ силачей не боялся.

Кромѣ вышеуказанныхъ добродѣтелей, онъ славился и еще однимъ выдающимся качествомъ: онъ былъ превосходный игрокъ въ рожокъ на дудкахъ. Онъ такъ ловко „лацалъ", что подъ его игру всѣмъ легче было и пѣть, и плясать, и хороводы водить.

Въ томъ же селѣ и по сосѣству жилъ другой степенный мужикъ, Тимофей Панфиловъ со своей женой Ульяной. У нихъ тоже была соотвѣтствующая дочка, Наташка. Хотя ей не

было еще и шестнадцати лѣтъ, но она уже считалась зрѣлой невѣстой.

— А то, что она ростомъ мала, такъ въ малѣ золотникъ, да дорогъ,—говорили ея родители.

И дѣйствительно, Палашка охулки на руку не клала: на всякую работу у нея былъ „глазъ завидущій", что жать, что сноны вязать, а то и хороводы водить — на все мастерица! На барщинѣ она всегда въ числѣ первыхъ кончала свою урочную „дѣлянку". А на улицѣ — пѣть, плясать и хороводы водить—ее нечего просить: везъ запѣвалой, весь коноводомъ!

Всѣ парни и дѣвки на селѣ давно, конечно, знали, что Егорка съ Палашкой во всѣхъ играхъ вмѣстѣ водятся, и всѣ бабы на селѣ доподлинно знали, къ кому этой осенью Лазарь сватовъ будетъ засылать.

Между родителями этой счастливой пары царило полное согласіе, и между ними было уже рѣшено этой осенью свадьбу играть. Настасья и Ульяна другъ дружку въ шутку даже „сватьей" называли. Онѣ не разъ уже сходились и уговаривались, когда сватовъ засылать, медъ и брагу варить — къ свадьбѣ готовиться.

Правда, набѣгали тучки, перепадали пасмурные денечки, когда разносился по селу слухъ, что кривой уродъ Некашкалѣшникъ (Никаноръ Коношкинъ) за Палашку хочетъ свататься, и что объ этомъ онъ черезъ экономку, свою родственницу, самого „стараго барина" просить хочетъ.

Сходились Егорка съ Палашкой, тревожно шептались о чемъ-то, но скоро все снова успокаивалось.

Ульяна на все село нарочно кричала:

Пусть онъ лучше и не думаетъ, косорылый чортъ!.. Не дамъ я ему мое дитё, мою кровь загубить!..

Самъ Тимофей выражался не столь краснорѣчиво, но былъ не менѣе жены противъ „криворотаго чорта".

Одно время дѣло какъ будто немного осложнилось, когда до барскаго двора дошла слава о разбитномъ Егоркѣ: его прикомандировали къ барской конюшнѣ въ помощь конюху и кучеру. Всѣ дни ему пришлось проводить на барскомъ дворѣ.

Не хотѣлось Егоркѣ уходить изъ села и служить на барской конюшнѣ. Но Палашка втайнѣ мечтала уже, что Егорку могутъ совсѣмъ въ дворовые переписать, и тогда... тогда онъ можетъ носить въ одномъ ухѣ серебряную серьгу — вѣрный признакъ породистой дворовой аристократіи.

Но къ новому положенію мало-по-малу стали привыкать уже всѣ, и къ предстоящей осенью свадьбѣ обѣ стороны готовились попрежнему.

Замолкли Егоркины дудки на селѣ... Но тѣмъ чаще стали раздаваться онѣ на барскомъ дворѣ.

VII.

Старый баринъ.

Благодатный годъ! Хлѣба уродились на славу! Лѣто выдалось хорошее — весь хлѣбъ сняли, свезли и сложили вовремя. И на барскомъ и на крестьянскихъ гумнахъ съ хлѣбомъ дѣваться некуда! У многихъ крестьянъ въ запасѣ еще старыя, двухъ и трехъ-годовыя копны стоятъ. Есть съ чѣмъ зиму встрѣтить! Есть съ чѣмъ свадьбы играть! Радуется сердце крестьянское! Радуется и самъ старый баринъ.

Размякъ, — говорятъ про него дворовые, — добрѣе сталъ.

Въ одно солнечное утро на барскомъ дворѣ кипѣла особенно оживленная работа. Запасались всѣмъ на зиму: рубили и солили капусту, арбузы, грибы; шла чистка скотнаго и птичьяго двора. Дѣвки и бабы съ тяпками, съ ведрами и коромыслами черезъ плечо то и дѣло сновали по всему барскому двору.

Среди дѣвокъ была на работѣ и Палашка. Она пользовалась всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы пробѣжать мимо барской конюшни, откуда время отъ времени доносились звуки Егоркиныхъ дудокъ.

Ихъ встрѣчи и разговоры были очень кратки. Они сходились не для переговоровъ, а только такъ, посмотрѣть... Палашка, подходя къ конюшнѣ и замѣтивъ Егорку, нарочно отворачивалась отъ него и ускоряла шагъ, какъ будто шла по очень спѣшному дѣлу и смотрѣть по сторонамъ ей некогда...

Егорка отлично изучилъ эту стратегію и потому какъ разъ во-время окликивалъ.

— Палапька!... Палапька!.. Чего бѣжишь... Постой маленько.

— Экономка ругаться будетъ, — отвѣчаетъ Палашка, останавливаясь, какъ вкопанная.

— А ну, ее!.. Пусть!.. А дудки слышно?

— Знамо, слышно... Вечеромъ и на селѣ слышно... когда играешь.

— Вонъ что!.. Ладно. Забѣгай когда...

— Знамо.

И они расходились.

Но вотъ на крыльцо барскаго дома вынесли кресло, предвѣстникъ появленія самого стараго барина.

И. дѣйствительно, немного спустя изъ широкой подъѣзной двери показалась огромная фарфоровая трубка съ длинѣйшимъ черешневымъ чубучищемъ, который тащилъ за собой маленькаго худощаваго Фильку, бритаго и пожилого лакея, спеціально завѣдывавшаго трубочно-табачнымъ департаментомъ.

Многимъ теперь можетъ показаться, что должность „Трубача“ — совѣмъ не сложная и доступна всякому смертному. Но если вспомнить, что дѣло идетъ о доисторическихъ временахъ, когда спички считались диковинной рѣдкостью, когда для приготовленія ихъ посредствомъ макапія лучиной въ какое-то снадобье требовалась цѣлая наука, при чемъ все-таки эти спички охотнѣе загорались отъ тлѣющаго уголька, когда въ гостиныхъ барскихъ домовъ господствовали трутъ и огниво, — то ясно, что держать въ достаточномъ количествѣ необходимые горючіе матеріалы было дѣло вовсе не такое легкое. Нужно было набрать въ лѣсу на деревьяхъ трутовиковъ, выбрать изъ нихъ наилучшіе сорта, нужно умѣть ихъ вываривать въ какомъ-то особомъ снадобьѣ, нужно надлежащимъ образомъ просушить, чтобы послѣ тщательной обработки получить „искрометный“ трутъ, т.-е. загорающійся при малѣйшей искрѣ. Кромѣ трута нужно имѣть достаточный запасъ кремней и огнивъ. Нужно умѣть быстро высѣкать огонь и помогать барину раскуривать трубку. Барское дѣло было только сосать янтарный конецъ чубука; дѣло Фильки — развести и направить свой огонь на огромную и ненасытную пасть фарфоровой трубки и при томъ запалить ее такъ, чтобы она пожирала табакъ ровно по всей окружности своей пасти. За этимъ приходилось слѣдить очень внимательно, въ противномъ случаѣ фарфоровая трубка имѣла скверную привычку иногда подскакивать и тыкать Фильку либо въ животъ, либо въ грудь, а то и выше.

Вслѣдъ за Филькой показался самъ старый баринъ, небольшого роста, бритый, но съ усами, пожилой уже человѣкъ.

По обыкновенію онъ былъ въ толстомъ халатѣ, слабо

полосатымъ толстымъ жгутообразнымъ поясомъ съ длинными кистями по концамъ.

Усѣвшись въ кресло, онъ, не глядя на Фильку, протянулъ правую руку, и моментально янтарный конецъ чубука, описавъ дугу, вонзился въ пухлыя губы барина.

Еще минута — и изо рта барина и изъ чашки трубки понеслись густыя облака дыма.

Недалеко отъ крыльца стояла группа крестьянъ въ ожиданіи выхода барина.

Первымъ снявъ шапку, подошелъ къ крыльцу, прихрамывая, худощавый молодой крестьянинъ некрасивой наружности, но опрятно и даже щеголевато одѣтый. Онъ держалъ въ рукахъ убитаго дикаго гуся.

Подойдя къ крыльцу, онъ остановился и поклонился.

— Что скажешь, Никаноръ? — спросилъ баринъ.

— Да вотъ, вашей милости гуська принесъ. Подстрѣлить удалось... Пролетомъ, знать...

— Покажи...

Никаноръ поднялся на нѣсколько ступенекъ и передалъ гуся Филькѣ.

— Ого!.. тяжелый... сытный гусь... Снесешь на кухню, — сказалъ баринъ Филькѣ, осмотрѣвъ тщательно гуся.

Баринъ хорошо понималъ, что гусь — только присказка и что сказка будетъ впереди.

— Тебѣ чего надо?.. — обратился съ вопросомъ баринъ.

— До вашей милости пришелъ. Дѣло такое... Окромя васъ мнѣ некуда кинуться...

— Въ чемъ дѣло?

— Жениться, баринъ, хочу.

— Вона!.. чего захотѣлъ!.. Впрочемъ, давно бы пора... За чѣмъ же дѣло стало?

— Только за вами, баринъ.

— Вона!.. Ты что же, развѣ на мнѣ жениться хочешь? — засмѣялся баринъ.

— Вы сами знаете, — мнѣ на отшибѣ жить приходится... Мало охотниковъ за меня дѣвокъ отдавать. Такъ что же?.. Неужели, баринъ, такъ всю жизнь мнѣ и суждено одинокимъ свою службу вамъ нести?..

— Кого же ты сватать хочешь?

— Палашку Тимофееву хочу.

— Вона!.. Попалъ въ гусыню!.. Губа то не дура!.. Да, помню теперь... Говорили мнѣ... Только, вѣдь, она еще молода, ребенокъ совсѣмъ...

— Что за молода... Этой осенью все равно отдавать хотятъ.

— Тимофей противиться будетъ... — замѣтилъ баринъ.

— Что же, баринъ, развѣ я вашей милости не такой же слуга? Развѣ я не служу вамъ вѣрой и правдой? Имъ хорошо говорить!.. Мнѣ вѣдь не для забавъ, а тоже хозяйство содержать надо. Вѣдь, вы у насъ - хозяинъ всему. Къ кому же мнѣ еще обращаться?

Дерзкія слова холопа очень понравились старому барину, и онъ съ милостивой шуткой сказалъ:

— Ну ну, не сердись, Никаноръ. Посылай сватовъ. Я за тебя словечко замолвлю.

Никаноръ палъ передъ барином на колѣни и, крестясь, проговорилъ:

— Весь вѣкъ за вашу милость буду Бога молить... Ваше слово мнѣ дороже всего.

Потомъ всталъ, поклонился и тотчасъ же совсѣмъ ушелъ со двора.

Вслѣдъ за нимъ стали выходить другіе просители, которые были молчаливыми свидѣтелями происшедшей сцены. И вотъ, по всему двору быстро облетѣла вѣсть:

— Никашка Палашку у барина выпросилъ!..

VIII.

Счастливый конецъ.

Осенью этого года было сыграно особенно много свадебъ.

Въ числѣ прочихъ была сыграна скромная свадьба Никанора Конюшкина, женившагося на Палашкѣ Тимофеевой.

Въ томъ селѣ, о которомъ идетъ рѣчь, до сихъ поръ существуетъ обычай, чтобы только что просватанная дѣвушка-невѣста всякаго пришедшаго въ ея домъ близкаго родственника встрѣчала горькимъ плачемъ съ причитаніями. Это называется „голосить". Обливаясь слезами, она проситъ дорогого дяденьку или дорогую тетеньку пожалѣть ее, несчастную, и не отдавать въ чужедальную старонушку изъ своей родной семьи, отъ родимаго батюшки, отъ родимой матушки, отъ ясныхъ соколовъ и сизокрылыхъ горлицъ — братьевъ и сестеръ...

Все это дѣлается теперь больше формально, по обычаю. Но въ тѣ доисторическія времена, дѣвушки-невѣсты имѣли вѣсъ резоны называть свои слезы „горькими" и „горючими".

Осталось преданіе, что Палашка, выполняя этотъ древній обычай, превзошла самое себя и дѣлала настоящія чудеса. Всѣ ея близкіе родственники дѣйствительно рыдали навзрыдъ при ея образцовыхъ причитаніяхъ.

— Палашка — мастерица „голосить"!.. — одобрительно говорили старики.

Егорка не захотѣлъ жениться этой осенью.

Онъ сломалъ свои дудки...

Пришла еще осень — Егорка опять не женился.

Черезъ полгода послѣ женитьбы Никашка умеръ бездѣтнымъ, и Палашка осталась вдовой.

Егорка снова наладилъ свои лучки и вскорѣ женился на молодой вдовѣ.

— Вѣдь, вотъ. Недаромъ говорится: сужелаго-то и на конѣ не объѣдешь,—говорилъ старый баринъ, говорится пословка, говорили старики.

Эта молодая вдова Палашка и была моя мать, а счастливый Егорка былъ мой отецъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Переходныя времена.

I.

Все мѣняется.

Но вотъ подкрались другія времена, и пришли другіе люди, а вмѣстѣ съ ними и другія мысли, другія чувства, другія настроенія.

— Все измѣнилось къ худшему! — говорили старики. — Ослабъ народъ!.. Прежде и люди жили дольше, и стариковъ было больше, и больше ихъ слушались. А нынѣ своего собственнаго сына, какъ слѣдуетъ, поучить нельзя. Ты его только поровишь за волосянку взять, а онъ, вмѣсто того, чтобы пасть пластомъ родителю въ ноги, да на спинѣ руки сложить, да прощенья просить, — какъ въ наши-то времена водилось,—а онъ, вмѣсто того, норовитъ еще вывернуться да черезъ плетень, да на огородъ, въ коноплю али въ поле... А не подумаетъ того, глупецъ: ну, куда онъ отъ родительской-то власти убѣжитъ?!..

— Вонъ, Васька Казачекъ - тоже думалъ отъ барскаго гнѣва уйти... Совсѣмъ сбѣжалъ... На Уралъ пробрался... Сколько лѣтъ съ казаками жилъ. Къ богатой казачкѣ въ домъ было, вошелъ... А подъ конецъ все-таки не выдержалъ. Тоска обуяла — по роднымъ мѣстамъ, по семейнымъ соскучился. Сколь

ни удерживали, сколь ни уговаривали его остаться, не могъ пересилить тоски. Горючими слезами казачка обливалась, его провожаючи; вся станица жалѣла его. А вотъ, нѣтъ же... родная-то кровь сказалась... перетянула къ себѣ. Вернулся. Ну, извѣстно... Чему быть, тому не миновать... Получилъ, что полагается. Баринъ все-таки пожалѣлъ его, только выпороть приказалъ при всѣхъ и на площади, чтобы другимъ не повадно было. А вотъ теперь живетъ же мужикъ, за милую душу.

— Да и то сказать, — какая нынѣ порка пошла!.. Развѣ нашихъ-то отцовъ такъ пороли?!.. По семи шкуръ, бывало, спускали, да и то охъ! не молвили... Зато и народъ крѣпкій выходилъ! А теперь-то что?..

Да, многое измѣнилось.

Внѣшній видъ огромнаго села остался прежній, но внутренность жилищъ и даже самыя жилища замѣтно измѣнились. Вмѣсто прежнихъ неуклюжихъ, избы стали какъ-то легковѣснѣе и даже легкомысленнѣе, съ претензіей на кокетство. То тамъ, то сямъ видѣлись створчатыя окна съ рѣзными карнизами и раскрашенными ставнями. Правда, жидкіе пучки пушистаго ковыля все рѣже и рѣже попадались на столбахъ воротъ, но зато внутренность большинства избъ приняла совершенно иной обликъ. Старыя курныя избы стали замѣняться трубными, бѣлыми избами, и одновременно съ этимъ жирные черные тараканы-русаки стали вытѣсняться сухопарыми рыжими прусаками, которые плодились и размножались, какъ песокъ моремъ.

Правда, попрежнему, время отъ времени, люди сожительствовали съ телятами и ягнятами, попрежнему смѣло и безцеремонно врывались въ избу по зимамъ коровы и овцы, но въ самой избѣ все же словно проглянуло какое-то особое сознаніе: не стало прежняго мрака и копоти, не нужно было

больше жгутъ и отеклёливать стѣнъ и потолковъ къ каждому праздничку. Въ бѣлой избѣ стали появляться кое-гдѣ, рядомъ съ образами, лубочныя картинки, изображавшія какого-нибудь синяго или зеленаго генерала съ саблей на-голо, верхомъ на конѣ, между ногъ и подъ копытами котораго двигаются пѣшіе полки.

Стали измѣняться и костюмы. Попрежнему расхаживали по деревнямъ бродячіе шестобиты со своими однострунными инструментами; красильщики и набойщики съ ихъ вѣчно свѣжими рутинами; цвѣты, нивіе по ломамъ кафтаны изъ самодѣльнаго сукна и полушубки изъ самодѣльныхъ овчинъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, среди молодежи все чаще и чаще начинаютъ по праздникамъ появляться кумачевыя и ситцевыя рубахи, а у дѣвицъ „александрійскіе“ сарафаны; вмѣсто малахаевъ стали носить высокія войлочныя шляпы и картузы; плисовые штаны вмѣсто самотканныхъ портковъ; сапоги съ бураками вмѣсто классическихъ лаптей. Рядомъ съ этимъ и опучи стали замѣняться чулками и носками.

Рядомъ съ дудками и балалайкою послышалась гармоника.

II.

Молодой баринъ.

Измѣнились и люди.

— Полиняли теперь господа — говорили старики.

И, дѣйствительно, вмѣсто грознаго стараго барина, Петра Алексѣевича, пошли дѣти его болѣе мелкаго калибра. Старшій, Вадимъ, родился, кажется, ранніе своего времени, ибо обязался быть скромнымъ, образованнымъ и гуманнымъ человѣкомъ, и потому, вѣроятно, земля не сдержала его и поглотила въ ранней молодости. Туда же за нимъ послѣдовали — уже по другимъ поводамъ — и два слѣдующіе брата: без-

путный Конкордій и дикій Африканъ (а, можетъ быть, наоборотъ, дикій Конкордій и безпутный Африканъ), память о которыхъ дошла до позднѣйшихъ поколѣній въ видѣ разсказовъ о томъ, какъ, за недостаткомъ охоты на звѣрей, эти юные птенцы гнѣзда Петрова съ шайкой дворовыхъ время отъ времени устраивали охоту на бабъ и дѣвокъ, ходившихъ артелями въ лѣсъ по ягоды или по грибы.

Такимъ образомъ, поддерживать честь рода Карповыхъ остались на землѣ Серафима и Александръ Петровичи. Послѣ смерти отца подѣлили они между собою и земли, и крестьянъ, и домъ съ двумя половинами и двумя отдѣльными крыльцами, откуда и стали править подчиненнымъ имъ человѣчествомъ на общемъ дворѣ.

Да простятъ меня всѣ Серафимы на свѣтѣ, если я, несмотря на всю сладость этого имени, въ дальнѣйшемъ обойду его молчаніемъ, ибо судьбѣ угодно было, чтобы мои родители со всѣмъ своимъ потомствомъ, при раздѣлѣ движимаго имущества, перешли въ собственность младшаго и послѣдняго сына, Александра.

Александръ Петровичъ былъ послѣднимъ представителемъ крѣпостного режима. Ему суждено было присутствовать при похоронахъ этого режима и вмѣстѣ съ тѣмъ перенести на себѣ всю тяжесть переходнаго времени, когда

„Порвалась нѣмь великая,
Порвалась и ударила
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику".

Онъ былъ по натурѣ простой и очень добрый человѣкъ. Науками себя не обременялъ, звѣздъ съ неба не хватали. Къ географіи и грамматикѣ относился скептически, но въ случаѣ крайности писалъ довольно разборчивымъ почеркомъ. При

своей добротѣ, онъ былъ человѣкъ совершенно безхарактерный, подчинявшійся волѣ совѣтамъ или наговорамъ случайныхъ людей или случайныхъ фаворитовъ. При такихъ условіяхъ судьба крѣпостного человѣчества очень часто зависѣла отъ воли и настроенія приказчика, конторщика, кучера, ключницы или экономки. Каждый изъ этихъ придворныхъ тузовъ, имѣя за собой опредѣленный кругъ родственниковъ и приверженцевъ на селѣ, нерѣдко становился во главѣ особой политической партіи въ борьбѣ за власть.

Господарство Александра Петровича, послѣдовавшее за строгимъ режимомъ его отца, во многомъ напоминаетъ царствованіе Феодора Іоанновича. Молодой баринъ былъ вспыльчивъ, но отходчивъ; часто кричалъ, ругался и топалъ ногами, но никто его не боялся. Въ довершеніе его характеристики нужно сказать, что онъ женился на своей крѣпостной дѣвушкѣ, простой, безграмотной крестьянкѣ, Марьѣ Максимовнѣ Ковлягиной, дѣдушка которой, по сказанію стариковъ, былъ однимъ изъ тѣхъ самыхъ удальцовъ, которые въ свое время ходили къ Емельяну Пугачеву на своего барина жаловаться.

Эта барыня-крестьянка и осчастливила меня, согласившись быть моей крестной матерью.

III.

Отецъ и мать.

Измѣнилась и судьба моихъ родителей. Отецъ изъ Егорки, Лазарева парня, сталъ Егоромъ Лазаревымъ, а мать изъ Палашки превратилась въ цѣлую Пелагею. Славная карьера ихъ подъ титломъ Егора Лазаревича и Пелагеи Тимофеевны была въ то время еще впереди.

Превращеніе Егорки въ Егора и Палашки въ Пелагею совершилось, конечно, не сразу, а постепенно и благодаря

цѣлому ряду отцовскихъ подвиговъ, о которыхъ здѣсь говорить нѣтъ мѣста. Нужно замѣтить только, что имѣніе нашихъ господъ было обширное и тянулось широкой полосой на 15 верстъ, упираясь однимъ концомъ въ берегъ рѣки Самары, гдѣ построена была одна изъ самыхъ большихъ, по тогдашнимъ временамъ, водяныхъ мельницъ нашей губерніи. Запрудить такую большую рѣку, чтобы отвести затѣмъ воду по канавѣ на двѣ или три версты отъ плотины, представлялось въ тѣ времена дѣломъ капитальной важности и необычайной трудности. Мельница обслуживала цѣлый рядъ сосѣднихъ селъ и деревень и, при благопріятномъ спускѣ полой воды, представляла чрезвычайно доходную статью въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Туда требовались наиболѣе способныя руки и головы. Въ качествѣ одной изъ такихъ ловкихъ рукъ и былъ отправленъ на мельницу мой отецъ за свои доблести по конюшенной части. Онъ былъ лѣвша, что, по мнѣнію бывалыхъ людей, составляетъ вѣрный признакъ ловкости и другихъ скрытыхъ способностей человѣка.

Близъ мельницы образовался цѣлый поселокъ въ нѣсколько избъ и флигелей для семейныхъ служащихъ, рабочихъ и помольцевъ. Тутъ же были и хлѣбные амбары, кузница, бани, погреба, и вообще это мѣсто было всегда весьма оживленнымъ и переполнено народомъ. Здѣсь былъ пунктъ, куда сходились и откуда расходились во всѣ стороны вѣсти о всѣхъ важныхъ событіяхъ окрестнаго міра. Постоянное общеніе съ значительнымъ числомъ самыхъ разнообразныхъ лицъ, съ богатыми и свободомыслящими молоканами села Коржевки и съ бѣдной, но честной и трудолюбивой мордвой села Съѣзжаго, — значительно расширяло кругозоръ вообще всѣхъ, служившихъ болѣе или менѣе продолжительное время на мельницѣ. Отецъ же прожилъ тамъ не менѣе двадцати лѣтъ.

Сначала онъ служилъ тамъ въ качествѣ „засыпки“ и „гарочника“, т.-е. засыпалъ хлѣбъ въ ковши и бралъ за помолъ

гарницы, натурою; помогалъ мельнику и его помощникамъ поднимать, ковать, класть на мѣсто моловые камни и устанавливать снасти. Мало-по-малу сообразительный Егорка привыкся дѣлать цѣвки для шестерней и кулачья для большихъ сухихъ колесъ, и въ концѣ-концовъ самъ справился съ выдѣлкой и устройствомъ самихъ шестерней и самихъ колесъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сталъ искуснымъ мельникомъ, нужнымъ человѣкомъ. По мѣрѣ роста его репутаціи, кличка Егорки развалась все рѣже и рѣже—даже изъ устъ самого стараго барина, и, такимъ образомъ, все больше и больше укрѣплялся за нимъ титулъ Егора. Одновременно съ этимъ безъ спеціальныхъ заслугъ и Палашка превращалась въ Пелагею.

Среди многихъ другихъ доблестей этой многострадальной женщины выдавались особенно двѣ. Во-первыхъ, она не только любила, но и глубоко уважала своего Егорку, гордилась имъ и старалась всѣми силами поддержать и охранить его добрую репутацію. Ея умственный кругозоръ не выходилъ изъ узкихъ предѣловъ кругозора деревенской женщины того времени, но въ ней было развито въ сильной степени нравственное чутье и вѣра, что честный человѣкъ въ серьезныхъ случаяхъ не можетъ поступить дурно, безчестно. Она могла не понимать многихъ поступковъ людей, которыхъ она считала добрыми и честными, но никогда не сомнѣвалась въ чистотѣ ихъ мотивовъ. Эта черта такъ много разъ проявлялась въ ней впослѣдствіи въ отношеніяхъ ко мнѣ и моимъ товарищамъ.

Нельзя обойти молчаніемъ и другую изъ ея доблестей. На протяженіи какихъ-нибудь двухъ десятковъ лѣтъ эта маленькая женщина ухитрилась народить чуть не 77 Семеновъ, счетъ которымъ съ точностью и по пальцамъ она доводила до 17 душъ подъ разными наименованіями, а нѣкоторые,— кажется, близнецы — совсѣмъ безъ наименованія. Очевидно также, что земля не могла выдержать такого плодородія и

своевременно поглотила большую часть дѣтей, оставивъ на пожизненную муку только трехъ сыновей и двухъ дочерей.

Самымъ младшимъ изъ сыновей и предпослѣднимъ изъ дѣтей оказался я. За мной слѣдовала только одна сестренка Таша, которая была моложе меня на два или на три года и которая, слава Богу, еще жива и по настоящее время.

Въ лицѣ младшей сестры погибла огромная сила, какую способна только проявить русская крестьянская женщина. Здоровая душой и тѣломъ, сильная, работящая, въ высшей степени добрая, чуткая и прибѣдливая натура, она при всей своей неграмотности была женщина достаточно развитая, чтобы интересоваться и отзываться на всѣ крупные общественные вопросы своего времени. Въ періодъ хожденія въ народъ она производила сильное впечатлѣніе на интеллигентскую молодежь своей искренностью и безыскусственностью. Во всякомъ обществѣ она всегда оставалась сама собой, высказывая свои мысли смѣло и своимъ крестьянскимъ образнымъ языкомъ. Вслѣдствіе этого къ ея умнымъ и всегда практичнымъ совѣтамъ съ величайшимъ вниманіемъ прислушивались болѣе знающіе, но менѣе опытные и часто совсѣмъ наивные товарищи.

Да, погибла хорошая сила, задавленная всей силой гнета и безправія крестьянской жизни.

Въ нашей семьѣ старшіе братья мои, Максимъ и Петръ, были для меня слишкомъ взрослыми людьми, чтобы быть въ ихъ компаніи. Но сестренка Таша была ближе всего ко мнѣ, и мы съ ней дѣлили сообща все наше раннее дѣтство. Къ тому же, я былъ ея постоянной нянькой, и во всѣхъ нашихъ играхъ съ товарищами по необходимости принимала участіе и она. Она привыкла быть въ нашей ребячьей, а не въ дѣвичьей компаніи, и всѣ дѣтскія переживанія великаго историческаго момента освобожденія крестьянъ она дѣлила въ нашей ребячьей средѣ, будучи четырехлѣтнимъ пузыремъ.

IV.

Добрый баринъ.

Всѣ мы, братья и сестры, родились и выросли на мельницѣ.

Задолго до моего рожденія слава отца достигла высокой степени, когда онъ изъ мельника въ одно прекрасное время превратился въ „чертопруда", какъ звали на міру всѣхъ спеціалистовъ по прудкѣ плотинъ. Искусство это онъ перенялъ отъ стараго и опытнаго чертопруда, человѣка вольнаго, въ теченіе многихъ лѣтъ наблюдавшаго, между прочимъ, и за плотиной на нашей барской мельницѣ. Когда старикъ-учитель удалился на покой, отецъ взялъ завѣдываніе плотиной исключительно въ свои руки и оставался, съ значительными промежутками времени, ея наблюдателемъ вплоть до самой своей смерти въ 1876 г., — несмотря на то, что и имѣніе, и мельница, ставшая механической, переходили во вторыя и третьи руки. Онъ такъ и умеръ на этой мельницѣ, наканунѣ того дня, когда рѣшилъ ѣхать ко мнѣ въ Петербургъ на свиданіе,—„запарившись въ банѣ на полкѣ".

Его отвѣтственное положеніе и важная роль въ мельничномъ хозяйствѣ дѣлали его нужнымъ не для одного его барина. Его слава, въ качествѣ опытнаго чертопруда, шла далеко за предѣлы его мѣстности и уѣзда. Многіе помѣщики изъ другихъ мѣстъ въ трудныхъ случаяхъ нерѣдко обращались къ опыту карповскаго Егора. Благодаря этому, оставаясь внѣшне и внутренно простымъ крестьяниномъ, отецъ привыкъ прямо и смѣло высказывать свои мнѣнія господамъ, даже когда эти мнѣнія ясно шли вразрѣзъ съ интересами собесѣдника. Въ то же время онъ былъ очень скромный и тактичный человѣкъ, и умѣлъ, не раздражая власти имущихъ, сохранить свое достоинство.

При такихъ личныхъ качествахъ и сложившихся обстоятельствахъ не покажется удивительнымъ, что впослѣдствіи, въ первые годы послѣ объявленія манифеста 19 февраля, когда взаимное непониманіе и подозрительность между крестьянами и помѣщиками принимали рѣзкія формы, глаза недоумѣвающихъ крестьянъ нашей волости обратились къ моему отцу, который и былъ избранъ волостнымъ старшиной нашей прежней Пустоваловской волости. Окрестные помѣщики и особенно либеральные мировые посредники перваго призыва, съ своей стороны, были очень довольны этимъ выборомъ. Послѣдніе надѣялись сдѣлать Егора Лазаревича, — какъ отнынѣ стали называть отца, — дѣйствительнымъ посредникомъ между крестьянами и помѣщиками, изъ коихъ тѣ и другіе знали и по своему уважали его.

Но эта сторона его дѣятельности относится уже къ 60-мъ годамъ, о чемъ я здѣсь говорить не намѣренъ.

Несомнѣнно, однако, что мысль о выходѣ на волю давно уже бродила въ головѣ отца — еще въ то время, когда никакихъ реальныхъ надеждъ на всеобщее освобожденіе не существовало. Онъ нѣсколько разъ заговаривалъ съ молодымъ барином, Александромъ Петровичемъ, — съ коимъ былъ почти однихъ лѣтъ, — прося его отпустить на волю. Но баринъ не хотѣлъ огорчать своего почтеннаго Егора и всѣ разговоры обращалъ въ шутку.

Вопросъ о выходѣ на волю ставился на очередь такъ часто, что самъ Александръ Петровичъ, въ серьезныхъ случаяхъ и въ трегожные моменты, хлопая отца по плечу, для его поощренія говорилъ:

— Ну, вотъ, Егоръ, если только прудку благополучно закончимъ, — или: если этотъ годъ полая вода благополучно сойдетъ, то... я и о тебѣ подумаю. („Можетъ быть, и помилую“, — говаривалъ въ такихъ случаяхъ щедринскій волкъ).

Какъ долго и какъ страстно одно время среди интеллигенціи дебатировался вопросъ объ относительномъ значеніи „политики“ и „экономики“, свободы политической и свободы экономической, и какъ часто по этому поводу мнѣ приходилъ на умъ разсказъ отца о томъ, какъ онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ передъ барином, чтобы тотъ далъ ему „вольную“, „отпускную“!

— Всѣ заботы по плотинѣ и по мельницѣ были закончены, — разсказывалъ отецъ. — Мельница была въ полномъ ходу. Баринъ былъ доволенъ и веселъ. Выбралъ я первый праздникъ, съѣздилъ со старухой въ с. Съѣзжее въ церковь, къ обѣднѣ, поставилъ по свѣчкѣ за каждаго члена семьи, заказалъ молебенъ и молился такъ горячо, какъ никогда раньше. Вернулся на мельницу и жду пріѣзда барина. Обѣщалъ пріѣхать и пріѣхалъ, только, къ несчастью, съ барыней (крестьянкой, моей крестной матерью), которая была противъ моего отпуска на волю.

— Всѣ служащіе на мельницѣ знали о моемъ намѣреніи, и потому, передъ тѣмъ, какъ мнѣ итти къ барину, сошлись ко мнѣ въ избу пожелать добраго успѣха и проводить по завѣту старыхъ людей. А завѣтъ ихъ таковъ, что, когда человѣкъ далеко ѣдетъ или за важное дѣло принимается, передъ тѣмъ, какъ изъ дому выходить, нужно свѣчку восковую затеплить, всѣмъ присутствующимъ на лавку присѣсть, потомъ встать и Богу помолиться. Такъ и было все сдѣлано. Проводили меня честь-честью.

Пришелъ я къ барину и, ни слова не говоря, въ первый разъ въ своей жизни, передъ нимъ прямо на колѣни опустился.

— Что ты, что ты, Егоръ... — встревожился баринъ и бросился меня поднимать. Зачѣмъ?.. Не надо.. Говори — чего хочешь?..

Принелъ просить, — говорю, — мою судьбу и судьбу моихъ ребятъ рѣшить. Милостивый баринъ, Александръ Петровичъ, и вы, барыня, Марья Максимовна!.. Послужилъ я вамъ и родителю вашему много лѣтъ вѣрой и правдой. Смилуитесь, пожалѣйте и меня, и ребятъ моихъ. Ничего мнѣ не надо... Оставьте, если милость будетъ, только рубашку одну, чтобъ не стыдно было отъ васъ уйти и съ людьми встрѣтиться.. А если и этого мало... положите выкупъ божескій... Только отпустите на волю меня и ребятъ моихъ. Вѣкъ не забуду, вѣкъ вашъ покорный слуга буду.

— Встань, Егоръ, встань, — говорилъ баринъ, поднимая меня. — Потолкуемъ толкомъ... А ты послушай, что я тебѣ скажу. Знаю, что тебѣ хочется на волю, и самъ сколько разъ объ этомъ думалъ. Но — самъ ты посуди.. Ну, что я безъ тебя буду дѣлать?.. На кого я весь свой заводъ оставлю?... Ты вотъ говоришь, что и теперь на другихъ иногда работаешь, и что меня тѣмъ болѣе никогда не покинешь при нуждѣ. Не ручайся за это, Егоръ! Я бы самъ за себя не поручился! Вольный-то человѣкъ обо всемъ и разсуждаетъ по другому. Вотъ ты деньги за выкупъ мнѣ предлагаешь. Ну, какъ не стыдно тебѣ... Ну, что мнѣ въ твоихъ грошахъ... когда ты самъ знаешь, что у меня одна прорва въ плотинѣ не одну тысячу рублей поглощаетъ. — Нѣтъ, ты образумься, Егоръ... Подумай хорошенько, и — я прямо скажу — пожалѣй меня!.. И чѣмъ тебѣ у меня не хорошо? Развѣ кто-нибудь тебя обижаетъ?.. Развѣ когда нибудь я тебѣ худо сдѣлалъ?.. — Нѣтъ, Егоръ, ума не приложу, чѣмъ ты недоволенъ у меня... **Нѣтъ, ты не жалѣешь меня!..**

Баринъ говорилъ такъ трогательно, — продолжалъ отецъ, — что, уходя отъ него, я почувствовалъ себя, словно виноватый, и радовался, что я не „вольный“ человѣкъ. Если бы я былъ вольный, мнѣ, пожалуй, пришлось бы пойти къ

барину въ неволю, чтобы обезпечить судьбу барской мельницы!..

Я, конечно, не берусь передать здѣсь эту сцену съ той трогательной торжественностью, которая слышалась въ разсказѣ моего отца. Но этотъ разсказъ внушилъ мнѣ довольно глубокое убѣжденіе, что исторія сдѣлала два коренныхъ соціальныхъ зла, уничтоженіе которыхъ требуетъ опредѣленной послѣдовательности. Эти два зла суть: во-первыхъ, всѣ виды рабства, или институтъ частной собственности человѣка на человѣкомъ — всѣ политическія несвободы, — и во-вторыхъ, — институтъ частной собственности на средства и условія существованія людей. Уничтоженіе перваго зла есть абсолютно необходимое условіе и предпосылка для избавленія отъ второго зла. Освобожденіе политическое, какъ въ зародышѣ, таитъ въ себѣ освобожденіе экономическое и соціальное.

Историческій актъ 19 февраля въ этомъ смыслѣ былъ и останется навсегда величайшимъ соціальнымъ переворотомъ на Руси, таившимъ въ себѣ актъ 17 октября, какъ и всѣ другіе, имѣющіе послѣдовать, акты.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Передъ волей.

I.

Общее настроеніе.

Началась Крымская война. Сначала глухо разносились слухи о неудачахъ нашихъ войскъ. Потомъ правда сдѣлалась открытымъ секретомъ. Всюду распространилась тревога — какъ въ крестьянскомъ, такъ и въ помѣщичьемъ лагерѣ. Было душно, какъ передъ грозой. Смерть царя Николая и восшествіе на престолъ молодого Александра только увеличили общее смятеніе. Роли подѣлились: помѣщики искренно оплакивали смерть стараго, а крестьяне столь же искренно молились за новаго царя. Всѣ глухіе слухи о возможныхъ реформахъ, объ улучшеніи быта низшихъ сословій — въ крестьянскомъ мозгу преломлялись въ видѣ единственной формулы: „Воля!“ Никто не могъ точно опредѣлить — что такое „воля“, въ чемъ она состоять должна, но въ народномъ сознаніи съ понятіемъ о „волѣ“ соединились уже какіе-то опредѣленные принципы, по которымъ всѣ въ одинъ голосъ могли сказать — чѣмъ эта воля не должна быть.

Судить и критиковать исторію заднимъ числомъ, конечно, всякому легко. Но не нужно быть пророкомъ или великимъ историческимъ серіевѣдомъ, чтобы сказать съ увѣренностью, что единственно правильное и разумное рѣшеніе столь слож-

наго политическаго, экономическаго и соціальнаго положенія тогдашней Россіи состояло въ одновременномъ введеніи представительнаго образа правленія, — въ созданіи органа самоуправленія на широкихъ демократическихъ началахъ, гдѣ народъ, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, могъ бы принять участіе въ обсужденіи и формулированіи положительнаго содержанія воли, и на практикѣ, на опытѣ положительнаго законодательства научиться отличать возможное отъ желательнаго и принимать свою судьбу на свою собственную отвѣтственность.

Конечно, компромиссы были бы и тогда неизбѣжны, но они были бы народу понятны, и Русская земля не пережила бы всѣхъ ужасовъ послѣдующихъ десятилѣтій. Мало того, можно смѣло сказать, что при такихъ условіяхъ все соціальное лицо земного шара теперь было бы иное.

Но чего не было, того не было; и при данныхъ условіяхъ, крестьянской массѣ оставался лишь одинъ изъ двухъ путей. Или выступить активно, стать на революціонный путь и перейти въ наступленіе, дабы очистить и устранить съ пути всѣ устранимыя препятствія къ правильной постановкѣ и правильному рѣшенію правовыхъ, экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Или же — остаться пассивнымъ зрителемъ, предоставивъ какой-нибудь внѣшней силѣ, или внѣшней доброй волѣ, опредѣлить положительное содержаніе этой „воли“, въ ожиданіи чего занять оборонительную позицію и ждать нападенія возможныхъ противниковъ.

Благодаря полной дезорганизованности массъ, при полномъ отсутствіи въ странѣ организованной интеллигенціи, способной привлечь симпатіи народныхъ массъ и давать имъ руководящіе лозунги, — первый путь былъ, очевидно, невозможнымъ въ данный историческій моментъ, и крестьянство пошло по второму пути.

Отсюда неизбѣжно и вытекала та историческая драма, которая развертывалась въ теченіе сорока съ лишнимъ лѣтъ, послѣ формальной отмѣны крѣпостного права.

Въ такомъ положеніи крестьянство всѣ свои надежды возложило на царя, воплощавшаго въ себѣ идею высшей справедливости на землѣ, самодержавнаго властелина и верховнаго законодателя, который, порѣшивъ освободить крестьянъ, не могъ поступать несправедливо. Все, что, по мнѣнію крестьянъ, было справедливо, то исходило отъ царя; все несправедливое было ложью, обманомъ или подвохомъ со стороны помѣщиковъ и чиновниковъ, — и главнымъ образомъ — помѣщиковъ.

До сихъ поръ крестьянство знало только три дѣйствующія силы: царя, помѣщиковъ и рабочій народъ въ образѣ крестьянства. Разъ помѣщики устраняются, значитъ, между царемъ и народомъ не остается никакого средостѣнія. Сложный механизмъ современнаго государства не былъ виденъ крестьянамъ. Они пассивно терпѣливо ждали отъ царя „справедливой воли“.

Такимъ образомъ, крестьянство возложило на царя въ высшей степени деликатную и прямо невыполнимую задачу — дать имъ „волю“, отвѣчающую всѣмъ требованіямъ общественной справедливости, относительно которой у нихъ, крестьянъ, существовали уже опредѣленные взгляды. Крестьянство не могло понять, что тотъ государственный механизмъ, который фактически долженъ былъ выработать и провести въ жизнь необходимыя реформы, при всемъ добромъ желаніи царя, всецѣло находился въ рукахъ тѣхъ же дворянъ-помѣщиковъ и приказныхъ крючковъ, которыхъ народъ считалъ издавна своими врагами.

Въ числѣ основныхъ вопросовъ, служившихъ пробой справедливости предполагаемой „воли“, являлся земельный

вопросъ, который для крестьянъ собственно и не былъ вопросомъ. Крестьянинъ безъ земли — говорили на міру — уже не крестьянинъ, а дворовый, безполезный человѣкъ,— паразитъ, который можетъ существовать вмѣстѣ съ помѣщикомъ только потому, что у крестьянина есть земля, на которой онъ работаетъ.

Конечно, крестьяне никогда не мирились съ несправедливостью награжденія дворянъ раздачею имъ въ собственность крестьянъ. Но они понимали, что — плохо или хорошо — эта несправедливость дѣлается въ тѣхъ расчетахъ, что у крестьянъ имѣется земля и, значитъ, они могутъ прокормить, одѣть и обуть помѣщика. Но разъ объявлено, что крестьяне больше не рабы, что они навсегда освобождаются отъ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, то какая же тутъ справедливость или царская милость, если земля отбирается отъ крестьянина и дается тѣмъ, кто не ней никогда не работалъ работать не умѣетъ и никогда работать не будетъ?!... Развѣ у царя мало разныхъ другихъ способовъ обезпечить судьбу бывшихъ помѣщиковъ? Зачѣмъ онъ будетъ отнимать нужную землю отъ крестьянъ и отдавать ее въ руки явныхъ бездѣльниковъ и дармоѣдовъ? — Нѣтъ, такую „волю“ царь не могъ дать!

Такъ разсуждали на міру.

И передъ этимъ всеобщимъ убѣжденіемъ должны были въ теченіе десятковъ лѣтъ разбиваться всѣ попытки доказать крестьянамъ противное ссылками на статьи свода законовъ или на Положеніе о крестьянахъ. До начала 70-хъ годовъ, когда выкупъ земли былъ сдѣланъ обязательнымъ, масса крестьянъ принципіально отказывалась итти на выкупъ, предпочитая платить за землю болѣе высокій ежегодный оброкъ, отдаляющій окончаніе 49-лѣтняго срока, лишь бы не признать землю собственностью помѣщиковъ.

Кажется ясно, что тутъ вопросъ сводился отнюдь не къ тупости крестьянства и не къ его неспособности, а къ тому, что эти законы были не спросясь его и не по его пониманію написаны.

II.

Переѣздъ въ Грачевку.

Весь этотъ хаосъ тогдашняго положенія и настроенія крестьянъ, какъ въ каплѣ воды, отразился въ нашихъ дѣтскихъ крестьянскихъ играхъ того времени.

Нужно сказать, что, когда вопросъ о предстоящей волѣ повсемѣстно сталъ предметомъ открытыхъ разговоровъ, мой отецъ рѣшилъ перевести всю семью съ мельницы въ село Грачевку, гдѣ рѣшилъ просить міръ отвести ему землю подъ усадьбу, чтобы поставить свой домъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на столь продолжительное проживаніе отца на мельницѣ, онъ не числился дворовымъ, а считался тяглымъ крестьяниномъ. Въ предвидѣніи новаго времени онъ и пожелалъ обзавестись, наконецъ, осѣдлостью—своимъ домомъ и хозяйствомъ, продолжая самъ попрежнему служить на мельницѣ.

Пріѣхавъ впервые на жительство въ село, мы временно помѣстились всей семьей въ курной избѣ дяди Николая, старшаго брата отца, когда еще была жива бабушка Настасья. Тетка Алена, жена дяди Николая, здоровая женщина, превзошла даже мою мать своей плодовитостью. При подсчетѣ своего непосредственнаго потомства ей не хватало пальцевъ на обѣихъ рукахъ и ногахъ, и потому она всегда сбивалась со счета на 23 чадѣ. Сколь ни жадно поглощала земля это обиліе, все же семья дяди была, по крайней мѣрѣ, вдвое больше нашей.

Отсюда легко себѣ представить густоту населенія этой

курной избы, особенно въ зимнее время, въ сообществѣ телятъ и ягнятъ.

Спать на полатяхъ или на печкѣ во время топки было невозможно. Дымъ стоялъ наверху и наполнялъ, по крайней мѣрѣ, половину избы. Но, въ качествѣ маленькаго человѣчка, я скоро научился бѣгать по избѣ, не сгибая спины передъ дымомъ.

Черезъ нѣкоторое время отцу отвели хорошее мѣсто подъ усадьбу, на краю села; онъ купилъ готовую небольшую избу и поставилъ на новой усадьбѣ, снабдивъ ее бѣлой трубой и рыжими тараканами.

Здѣсь я провелъ лучшіе годы моей дѣтской жизни, не смущаемый и не возмущаемый никакими мыслями и тревогами о міровой скорби. Здѣсь я впервые научился любить, цѣнить и уважать крестьянина, видя вокругъ себя множество лицъ, моихъ сверстниковъ, болѣе даровитыхъ или не менѣе способныхъ, чѣмъ я, которые, однако, безслѣдно заперты теперь въ нѣдрахъ тяжелой, трудовой, полуголодной и безправной крестьянской жизни въ деревнѣ.

III.

Дѣтскія игры.

Какъ разъ напротивъ нашего дома находился цѣлый рядъ крестьянскихъ хлѣбныхъ амбаровъ. Эти-то амбары и служили главнымъ мѣстомъ сборищъ для всѣхъ ребятъ нашей улицы. Сюда приходили матери и сестры звать домой своихъ сорванцовъ; сюда же приходили онѣ, чтобы разобрать чью-нибудь жалобу и на мѣстѣ оказать скорое и рѣшительное правосудіе отъ котораго спасали насъ только быстрыя ноги, привычная подозрительность на счетъ справедливости взрослыхъ да умѣнье въ нужный моментъ держаться на приличной дистанціи отъ судей.

Обычная, очередная наша игра была игра „въ разбойники“ или „прятки“. Состояла она въ томъ, что одинъ изъ участниковъ исполнялъ роль стражника, который долженъ былъ ловить разбойниковъ, спрятавшихся въ „дремучемъ лѣсу“, — между амбарами и подъ амбарами, куда было продѣлано множество дыръ; пролѣзать черезъ нихъ нерѣдко приходилось съ опасностью содрать кожу на спинѣ или распороть себѣ животъ. Только благодаря непостижимой прочности и выносливости доморощенныхъ рубахъ и портковъ того времени можно было являться домой съ прикрытыми синяками и царапинами на всѣхъ частяхъ тѣла.

Выгнанный изъ-подъ амбара разбойникъ долженъ былъ, сломя голову, бѣжать отъ стражника, норовя въ случаѣ крайности попасть въ „домъ“, т.-е. въ очерченное около одного изъ амбаровъ мѣсто, гдѣ каждый разбойникъ считался неприкосновеннымъ. Для того, чтобы поймать, нужно было схватить разбойника за рубашку; вырвавшійся силой считался пойманнымъ.. Пойманный — въ наказанье — дѣлался, въ свою очередь, стражникомъ, должность котораго была очень трудная и непріятная: онъ одинъ, а разбойниковъ много, и всѣ о немъ лихо мыслятъ. Случалось, въ увлеченіи, стражникъ гонится за какимъ-нибудь излюбленнымъ злодѣемъ, котораго онъ рѣшилъ во что бы то ни стало наказать, и бѣжитъ за нимъ съ версту или двѣ; тогда всѣ остальные разбойники, въ свою очередь, гонятся за ними, стараясь отвлечь вниманіе стражника на „свѣжаго“ злодѣя и тѣмъ спасти своего товарища.

Была и другая, юмористическая игра, подъ названіемъ „О томъ, какъ бабушка Ненила въ Кіевъ молиться ходила“: при чемъ бабушку Ненилу изображали безразлично и мальчики и дѣвочки. Послѣ краткихъ риѳмованныхъ переговоровъ съ старой богомолкой, дѣло кончалось тѣмъ, что согбенная отъ лѣтъ старуха вдругъ выпрямлялась и, въ гнѣвѣ на бо-

гохульниковъ сквернослововъ, поднимала свою клюку и гналась за однимъ изъ охальниковъ. Пойманный охальникъ въ наказаніе, превращался въ бабушку Ненилу и долженъ былъ итти въ Кіевъ Богу молиться.

Всѣ другія игры создавались большей частью сообща, въ видѣ импровизацій. Здѣсь разыгрывались своего рода мистеріи на темы изъ текущей жизни. Какъ маленькія обезьянки, мы отражали въ своихъ играхъ всѣ событія, ставшія злобой дня для жителей всего села.

Всевозможныя работы на барщинѣ, съ участіемъ рабочихъ и работницъ, приказчиковъ, старостъ и самихъ господъ — были представляемы очень часто. При этомъ роли принимались и разыгрывались въ серьезъ. Для того, чтобы получить роль барина или строгаго приказчика, было недостаточно одного желанія. Нужно было заслужить довѣріе „міра“ и имѣть подходящія къ нему качества. До слезъ иногда доходили многіе, тщетно добиваясь отвѣтственной роли барина, начальника или приказчика. Во-первыхъ, въ роли барина или приказчика нужно было говорить „страшно!..“, т.-е. грозно. Ну, а какой же страхъ можетъ исходить, напримѣръ, отъ Седьки-Губана?

А, вѣдь, каждому любо быть барином! Поѣдетъ это онъ на парѣ или тройкѣ лихихъ коней, представленныхъ двумя или тремя малышами любого пола; начнетъ онъ важно такъ расхаживать да покрикивать на приказчика, а приказчикъ—на рабочихъ, и большую трубищу съ длиннымъ чубукомъ покуривать!..

Роль хорошаго приказчика заключалась въ томъ, чтобы онъ какъ можно больше ругался и билъ направо и налѣво, придираясь ко всякой мелочи и не слушая никакихъ оправданій. Всякій безъ мѣры добрый, т.-е. „слабый“, приказчикъ или изгонялся самимъ барином, или „міръ“ отставлялъ его отъ должности за полной негодностью, передавая эту важную роль въ болѣе достойныя руки.

IV.

Что „такое воля".

Кромѣ намѣченной цѣли, я привожу зѣсь эти второстепенныя детали еще и для того, чтобы обратить вниманіе старшаго и взрослаго поколѣнія на огромное воспитательное значеніе этихъ импровизированныхъ въ товарищеской компаніи дѣтскихъ игръ и представленій, гдѣ обнаруживаются и образуются индивидуальные характеры и способности. Глубоко заблуждаются тѣ, кто думаетъ, что маленькіе пузыри, ихъ дѣти, ничего не замѣчая, равнодушно и безслѣдно проходятъ мимо событій, окружающихъ ихъ въ семьѣ, школѣ и обществѣ.

Я помню, какъ мы, дѣти — мальчики и дѣвочки, съ жадным любопытствомъ прислушивались къ бесѣдамъ старшихъ о семейныхъ, мірскихъ и барскихъ дѣлахъ, притаившись на печи или на полатяхъ, запрещая другъ другу даже громко говорить, чтобы не обратить на себя вниманіе старшихъ. Особенно это любопытство возросло и заразило все дѣтское населеніе, когда крестьяне стали собираться небольшими компаніями по избамъ другъ у друга, осторожно обсуждая виды на будущее въ случаѣ „воли". Мы отлично слышали пониженный тонъ разговоровъ и отлично понимали его значеніе. Мы знали всѣхъ лицъ, при приближеніи которыхъ совсѣмъ прекращались всякіе разговоры о волѣ. И старшіе не подозрѣвали даже, что каждый изъ насъ былъ готовъ претерпѣть какіе угодно побои, но не выдать тайнъ подслушанныхъ нами разговоровъ. Даже не тайны казались нами тайнами.

Выйдя на улицу и оставшись въ компаніи маленькихъ товарищей, мы заводили разговоры на ту же тему, только преувеличивая все слышанное до крайности, и изъ предосторожности говорили шопотомъ, а нѣкоторыя слова произносили громко, но на ухо. И никому изъ насъ это не казалось преувеличеніемъ.

Мы, дѣти, [illegible] къ старшимъ обращаться за разъясненіемъ жгучихъ вопросовъ и отвѣтовъ ихъ было нельзя, безусловно, зная, что старшіе сочтутъ эти вопросы нескромными, [illegible] опасными, ибо глупенькія дѣти могутъ сболтнуть [illegible] тамъ не слѣдуетъ, и получится непріятность. И мы, дѣти, знали по опыту, что за всякій нескромный и не [illegible] вопросъ, — напр., за вопросъ о „волѣ“,— мы [illegible] чимъ подзатыльника, съ угрозой „вырвать языкъ и отодрать поясомъ, если въ другой разъ объ этомъ хоть рѣчь [illegible] кроешь!...“ Поэтому въ нашихъ [illegible] собраніяхъ, мы, ребята, незамѣтно и какъ бы [illegible] зали одинъ за другимъ сначала на печку, а оттуда на полати, и тамъ лежали, сгрудившись. Какъ [illegible] пошевелиться и даже громко дышать, — въ страшной [illegible] и обливаясь потомъ, словно въ банѣ на [illegible].

Конечно, каждый выносилъ съ [illegible] впечатлѣніе, свои собственныя [illegible] заключенія изъ слышанныхъ, часто [illegible] взрослыхъ людей, но всѣмъ имъ послѣ жаркихъ [illegible] сообща подводили итоги, старался [illegible] знаменателю на другой день, послѣ игры въ [illegible] бабушку Ненилу. Случалось, многія вещи оставались [illegible] ясненными, и тогда устанавливалась [illegible] сообща и всѣми способами допытываться [illegible] вильнаго объясненія,—но такъ, чтобы [illegible] тили: „А то пускать въ избу не станутъ, либо [illegible] будутъ!..“

Что такое „воля“, никто изъ насъ, конечно, не зналъ и никакого опредѣленнаго представленія о ней не имѣлъ. И самый вопросъ объ этомъ намъ прямо никогда не [illegible]. Знали только, что это „страсть какая хорошая вещь!“ Къ

вопросу о волѣ мы подходили окольнымъ путемъ. Каждый высказывалъ, что онъ, Федька или Гришка, сдѣлаетъ, когда „волю дадутъ“. Всѣ при этомъ понимали, что каждый будетъ высказывать, приблизительно, то, что онъ отъ отца или матери, или отъ взрослыхъ братьевъ подслушалъ. И замѣчательно, что дѣтей толковыхъ отецъ слушали внимательнѣе. Какъ бы то ни было, здѣсь уже требовалось своего рода творчество, указать наглядную форму будущей „воли“, чего, какъ мы видѣли, не могли сдѣлать сами отцы и старики.

Много разъ мы говорили по этому поводу, но въ концѣ концовъ оказалось, что самые разнообразные идеалы будущей жизни были всѣмъ намъ давно более или менѣе извѣстны.

Какъ только воля „откроется“, Федька первымъ дѣломъ новый сарай и навѣсъ на дворѣ поставитъ, а избу тесомъ покроетъ. Гришка купитъ третью лошадь и свой собственный амбаръ выстроитъ, потому что хлѣбъ сѣять некуда, а сосѣдямъ надоѣлъ кланяться. Филька корову да съ десятокъ овецъ еще заведетъ, потому—молоко и шерсть нужны къ тому же, корму много, а скотины мало. Ганька совсѣмъ новую избу поставитъ, потому что изъ старой то ужъ гнилушки давно сыплятся. Даже сестренка Таша и та не утерпѣла и выразила свое мнѣніе:

— Тятька будетъ каждый день въ городъ ѣздить и мнѣ пряника и крендилей привозить.

И это мнѣніе было выслушано съ полной серьезностью, съ той развѣ оговоркой, что многіе находили ея пожеланія очень скромными, и что она смѣло могла бы пожелать еще нѣсколько аршинъ кумача на рукава да ситцу на сарафанъ.

V

Земля и лѣсъ.

Насчетъ земли вопросъ не поднимался, по крайней мѣрѣ, у насъ никакихъ споровъ и недоразумѣній насчетъ пахотной

и сѣнокосной земли не возникало. Всѣ признавали дѣломъ безспорнымъ и рѣшеннымъ, что вся земля будетъ „нашей". Хотя при господахъ и были разныя поля,—одни крестьянскія, другія барскія,—но, вѣдь, и тѣ и другія „мы" же, крестьяне, обрабатываемъ. И какой же тутъ можетъ быть споръ, **когда крестьяне на волю отходятъ!**

Куда! Но что тогда барину земля? Только руки ему свяжетъ, да будетъ ему хлопать полонъ ротъ!

Но вотъ Федька-Губань, который собирался новый сарай съ навѣсомъ ставить, однажды совершенно неожиданно и съ тревогой поставилъ довольно щекотливый вопросъ: у кого тогда нужно будетъ разрѣшенья просить въ лѣсу хворосту, жердей и столбовъ для сарая нарубить—у барина или у „стариковъ", т.-е. у міра?

Вопросъ всѣхъ смутилъ. Всѣ молчали и только другъ на друга косились, по лицу стараясь угадать, у кого что на умѣ.

Дѣло въ томъ, что землю съ барином дѣлили, лѣсъ—никогда. Онъ всегда барскимъ считался. Много въ лѣсу рубили тайкомъ, — это и за грѣхъ не почиталось, — но если нужно было что-нибудь открыто срубить, то всегда позволенія надо было у барина спросить. Никогда лѣсъ крестьянскимъ не былъ! Баринъ въ немъ и караулку построилъ и караульщика всегда держалъ. Такъ самъ караульщикъ это дѣло понималъ, и поэтому Федькиному отцу рѣшительно заявилъ, что какъ бы міръ ни рѣшилъ, а только рубить жерди и брать хворостъ безъ позволенія барина онъ, караульщикъ, **никому не дастъ.**

Караульщикъ былъ человѣкъ строгій, и съ его мнѣніемъ **нельзя было не считаться.**

Какъ бы тамъ ни было, но вскорѣ и это затруднѣніе разъяснилось, и Федька просіялъ. Лѣсъ тоже въ міръ отойдетъ.

только баринъ наравнѣ со всѣми и дровами и ягодами будетъ пользоваться. Ему можно дровъ міромъ сразу на цѣлый годъ запасти. А безъ лѣса мужикамъ жить тоже никакъ невозможно. Барину оставлялся домъ, усадьба со службами, огородъ, садъ съ оранжереями и гумно, — большое гумно!... какъ разъ за нашимъ дворомъ и близъ околицы.

Зашла рѣчь о томъ, какъ же баринъ съ своимъ хозяйствомъ справится? Кто же изъ дворовыхъ при немъ останется?

Рѣшили, что садъ не можетъ остаться безъ садовника, а лошади безъ кучера. А какъ барину обойтись безъ лошадей!... Опять же и поваръ... Безъ повара, садовника и кучера барину никакъ не обойтись. Рѣшили, что они должны при барынѣ остаться.

Поднялся было недовольный голосъ Яшки, которому барскій кучеръ дядей доводился. Яшка сказалъ, что тетка недавно говорила, что какъ только воля объявится, дядя кучеромъ не останется; хочетъ въ городъ съ теткой переѣхать. Нельзя дядю въ кучерахъ оставлять!...

Тутъ многіе стали ему поперекъ говорить. Особенно насѣлъ на него великовозрастный Ганька.

— А можетъ баринъ жить безъ лошадей?

— Нѣтъ... не можетъ, — нерѣшительно отвѣчаетъ Яшка.

— А могутъ лошади жить безъ кучера?..

— Знамо, не могутъ, — смѣло отвѣчаетъ Яшка.

— А твой дядя кучеръ?

— Знамо, кучеръ...

— Умная твоя голова!... Такъ полумай: можетъ ли твой дядя бросить лошадей и уйти отъ барина?

Яшка смутился. Его никто не поддержалъ. Такъ съ тѣмъ и разошлись въ этотъ разъ. Яшка ушелъ огорченный.

VI.

Фроська и Ганька.

Но не очень-то ей хотелось. При первой же возможности, как только ребята не обращали на нее внимания, она оборотной стороной ладони размазывала слезы по лицу, — но не ныла, и на этот раз от сестры своей Фроськи, которая была ростом на три — четыре вершка выше брата и уже считалась в подростках, была бойчее и работящая девица, мастерица петь и плясать. Случалось, она и раньше играла с ними, но не такие были, и другие подружки ея.

Стали „конаться“. — Кому стражником быть? Ганька, — роль жеребячья, — провозиться на возу или за длинной хворостиной, особенно, коль участь была очень ясна. Тот, кому достается самый конец, когда уже никто увидеть хворостинку не может, считается наказанный, счастливый или несчастливый жребий. В данном случае было то о выборе стражника. Жребий пал на Фроську, — ей быть стражником.

Фроська с досады плюнула по ветру, повернулась сумой, весело хлопнула в ладоши, засунула руки и уткнулась лбом в уголь амбара, чтобы ей не было видно, куда кто пойдет прятаться. Таково было одно из правил игры. На ожидание полагалось минут пять. Она начала поиски одним из самых разбойников, любя знать секрет.

Фроська все время, видимо, была возбуждена. Она плутовала и пошалывала, — куда пошел Ганька. Когда раздался обычный свист, Фроська с места в карьер бросилась прямо под намеченный амбарь, спустя минуты через две в одну из многих нор быстро выкатила Ганька; бросился бежать и снова скрылся меж амбарами. Через

Мишуту изъ той же норы съ великимъ трудомъ вытолкла Фроська: осмотрѣлась и, какъ опытный игрокъ, побѣжала по амбарамъ, сбивая ихъ то съ той, то съ другой стороны. Такимъ образомъ, она отшугнула Ганьку отъ амбаровъ и пустилась за нимъ. Ганька и всѣ мы знали Фроськину удаль, и потому Ганька орелъ во все горло, взывая о помощи, а мы, повалѣвши изъ своихъ гнѣздъ, пустились ему на выручку.

Спасая своего товарища, многіе изъ насъ готовы были пасть жертвою самоотверженія: сколько разъ подвертывались Фроськѣ прямо подъ руки или подъ ноги. Но она, видимо, не обращала на насъ вниманія, намѣтивъ Ганьку своей жертвой.

Отъ Фроськи и отъ Ганьки ужъ давно перъ столбомъ валилъ. Фроська, видимо, освирѣпѣла, а Ганька носился на крыльяхъ страха и отчаянія. Но вотъ, видитъ Ганька, что его конецъ подходитъ, Фроська его настигаетъ, что отъ нея ему ужъ не уйти: чувствуя, что она уже хватаетъ его за рубашку, онъ быстро падаетъ... Фроська перелетаетъ черезъ него и тоже падаетъ. Ганька пользуется свободнымъ моментомъ, напрягаетъ послѣднія силы и мчится къ „дому“. Поднимается и Фроська... Но видя, что счастье повернулось къ ней безнадежнымъ концомъ, она пошла шагомъ, слегка прихрамывая. Мы всѣ пошли къ ней навстрѣчу, узнать — не ушиблась ли, держась, на всякій случай, на хорошей отъ нея дистанціи. Она ее „качурялась“, и, значитъ, была все еще „стражникомъ“.

Однако, всѣ рѣшили отдохнуть, для чего и сошлись всѣ снова къ „дому“.

Герои этого дня, Фроська и Ганька, тяжело дышали и вытирали потъ.

Черезъ пять минутъ, когда всѣ сгрудились у завѣтнаго „тока“, Фроська все еще неровнымъ голосомъ начала, обращаясь ко всѣмъ, но глядя все время въ упоръ на Ганьку.

— А ну-ка, скажите, почему вѣкъ ро... а кучеру изъ вѣку кучеромъ у господъ оставаться... Чѣмъ же онъ хуже другихъ? Кому какое онъ зло сдѣлалъ?...

Всѣ молчали.

— Ты чего же молчишь?.. — обратилась она сразу ко Ганькѣ.— Вѣдь, ты самъ говорилъ, что весь вѣкъ кучеромъ на весь вѣкъ долженъ остаться...

— Что же, Фрося... Не я одинъ говорилъ, тѣ говорили потому — по закону такъ выходитъ.

— То-то и дѣло, что вѣ... Коли ты самъ бахтать,— наплевать бы мнѣ на тебя. А то ты вѣдь голову дуришь...

Кто тебѣ сказалъ, что кучера при господахъ остаться должны?... Гдѣ такой законъ нашли?...

— Ты постой, Фрося,— заговорилъ потихоньку Ганька, оправившись отъ перваго натиска. Вовсе не зря говорилъ. Потому — какъ же быть... Посуди сама... Можетъ али нѣтъ баринъ безъ лошадей жить?.. Скажи...

— Ну... положимъ, что не можетъ... Такъ что?

— А лошади могутъ быть безъ кучера?..

— Знамо, не могутъ. Ну, такъ что?...

— Такъ какъ же барину безъ кучера обойтись?

— Знамо, нельзя. Ну, такъ что?...

— Вотъ, видишь!—торжествующе воскликнулъ Ганька.— Нельзя барину безъ кучера!... Сама говоришь.

— Знамо, нельзя,— подтвердила Фроська.— Только тятя все-таки въ городъ уѣдетъ и здѣсь не останется.

— А кто же съ лошадьми будетъ?...—спрашиваетъ Ганька.

— А твоего отца приставятъ, съ сихъ мѣстъ отвѣчаетъ Фроська.—Отецъ твой—вотъ кто на мѣсто мѣсто дяди будетъ.

— Ну, это дудки!... Ишь чего выдумала!... Тащусь ты на языкѣ!...—встревоженнымъ голосомъ говорилъ Ганька, озираясь на всѣхъ.—У насъ, чай, хозяйство есть, а отъ работника-то одинъ...

— Ну, коли твой негодень, вотъ Гришкинъ отецъ молодецъ, онъ и тройкой хорошо правитъ, какъ разъ въ кучера подойдетъ.

Гришка тоже забезпокоился и началъ жаться.—Да... кшь, вы какія!...

Такъ перебрала Фроська всѣхъ нашихъ отцовъ попорядку, и каждый сынъ только пятился назадъ, отъ Фроси подальше. А нѣкоторые изъ малышей, чуя какую-то бѣду, вмѣсто отвѣта принимались вытирать рукавомъ глаза.

Фроська торжествовала. Наконецъ, она встала и рѣшительно направилась къ Ганькѣ.

— Ну, коли всѣ отказываются... Тогда не миновать, видно, твоему отцу въ кучера идти.

Ганька окончательно смирился и, вмѣсто отвѣта, бросился бѣжать. Нѣкоторые изъ малышей съ плачемъ тоже пустились въ слѣдъ за нимъ. Остальные, хотя и медленно, но тоже не безъ трепета разошлись по домамъ.

Такъ неожиданно грустно закончилась эта игра.

VII.

Источники просвѣщенія деревни.

Однако, столкновеніе съ Фроськой не имѣло печальныхъ послѣдствій для нашихъ игръ. Фроська побѣдила не только насъ. Ея взгляды восторжествовали и на селѣ. И бабы и мужики въ одинъ голосъ порѣшили, что освобождать, такъ освобождать всѣхъ, и тяглыхъ крестьянъ и дворовыхъ, и, значитъ, Фроськинъ дядя въ городъ уѣхать можетъ.

Послѣ этого, довольная Фроська при первой же оказіи сама пришла къ нашимъ завѣтнымъ амбарамъ и приняла самое дѣятельное участіе во всѣхъ нашихъ играхъ, при чемъ

даже великодушничала, относясь къ бѣлому цвѣту съ особой снисходительностью.

Нужно знать близко тогдашнюю крестьянку-женщину, чтобы не увидѣть,— какое „сознаніе" этой крупицѣ человѣческаго значенія, — и не она только сама, но и ея старухи и даже старики.

Деревня была совершенно изолирована и варилась въ собственномъ соку. Ни газеты, ни журнала не, никакого свѣта или продуха не было извнѣ. Деревня была совершенно безграмотна. Всѣ свѣдѣнія въ высшихъ сферахъ или о политическихъ событіяхъ доходили до нея главнымъ образомъ черезъ дворовыхъ, которые слышали или подслушивали разговоры господъ между собою и часто въ искаженномъ видѣ несли въ обращеніе въ деревнѣ.

„Гумага" была тогда еще въ великомъ. Повѣрье существовало всюду на словахъ. Договоры, условія оповѣщались тоже на словахъ. Договоры обыкновенно вырѣзались въ видѣ зарубокъ и крестовъ на особыхъ, сглаженныхъ палочкахъ, которыя раскалывались для памяти сторонами, такъ пополамъ. Все держалось на-слово. Слово получало магическую силу.

Цѣлая деревня прислушивалась къ всякому произнесенію какого-нибудь Юлушки или Оленьки-урочки, видя въ этихъ юродивыхъ „божьихъ людей", проницателей будущаго. Да это было время „дурного сна", „дурного глаза" и „дурного слова", которое „не воробей, выпустишь — не поймаешь".

Кромѣ дворовыхъ, другимъ источникомъ просвѣщенія въ деревнѣ служили поѣзки крестьянъ съ возами хлѣба въ городъ, за 70 верстъ. Каждая такая поѣздка была тоже своего рода событіемъ. Въ путь провожали съ такой торжественностью, какъ будто люди уѣзжали на всю жизнь. Путники нагружались массой всевозможныхъ порученій и гостинцами

по адресу живущихъ въ городѣ родственниковъ и знакомыхъ. Крестьяне рѣдко ѣздили въ городъ въ одиночку. Они готовились къ этому заранѣе и уговаривались ѣхать одновременно и артелью.

И странно. Всегда какъ-то такъ случалось, что, благодаря артельному веденію дѣла, всѣ порученія исполнялись, гостинцы разносились; посредники вновь нагружались отвѣтными порученіями и гостинцами; навѣщали всѣхъ, кого только можно было впрѣть, и все это — въ одинъ день и между дѣломъ... Все велось на словахъ, и ничего не забывалось!

За это же короткое время обыкновенно и собирались разныя вѣсти со всего вольнаго свѣта, ибо знали, что для всего села вообще это будетъ наилучшій городской подарокъ.

По части внутренней — личной и семейной — политики былъ еще нерѣдкій источникъ всякихъ достовѣрныхъ свѣдѣній — цыганки-гадалки. Войдя въ деревню, по лицу первой встрѣчной дѣвицы цыганка тотчасъ угадывала, — какой чернобровый или бѣлокурый — парень вздыхаетъ и сохнетъ по ней, не рѣшаясь, однако, признаться и открыть свое сердце, такъ какъ этому мѣшаетъ какая-то женщина или дѣвица съ сѣрыми глазами.

Любопытство всѣхъ разжигается до такой степени, что, несмотря на установившееся общее мнѣніе, что всѣ цыганки только врутъ до боруютъ, — много, много молодыхъ трепетныхъ ладоней успѣетъ цыганка пересмотрѣть въ этотъ день.

— И все, вѣль, дѣвонька, правда!.. вотъ тѣ крестъ, правда! Не диви бы про кого другого говорила, а то, вѣдь, про меня, все про меня... Словно она у меня въ то время за пазухой сидѣла!.. Все такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ, какъ по писанному...

Передъ объявленіемъ воли, цыганки тоже стремились использовать предстоящее событіе и описывали его, руко-

ныхъ краскахъ судьбу сужденныхъ обоимъ. Тотъ, которымъ послѣ воли престояла блестящая карьера. Мнѣ долго потомъ напоминали предсказаніе цыганки о томъ, что я буду „барином“.

Проходили также первыя казки переселенцевъ, слѣпцы и медвѣди со своими поводырями; старые солдаты-инвалиды, шедшіе со службы; фуртовщики съ провожатыми ихъ, приказчиками, гнавшіе многочисленныя стада рогатаго скота и барановъ-курдюковъ изъ оренбургскихъ степей во внутреннюю Россію. Каждый изъ этихъ людей, всякъ по своему, вливалъ въ деревенскую бочку съ детемъ свою каплю меда.

Появлялись иногда и монахи или монашенки, заходившіе къ намъ „мимоходомъ“ на пути изъ св. града Іерусалима на святую гору Аѳонъ. Показывали они крестики и разноцвѣтные каменки изъ-подъ гроба Господня, которые и продавали или выменивали на яйца, молоко и всякую другую снѣдь. Отъ нихъ все, все услышали мы, что воля-то давно уже царемъ написана и что въ мѣстахъ, неподалеку отъ нашихъ, она была уже объявлена, а только дальше ее не пропускать господа съ синодомъ.

Наконецъ, былъ и еще одинъ свѣточъ знанія, просвѣщенія и житейской мудрости, о которомъ, изъ скромности, и думалъ было умолчать, но который, ради исторической правды, я долженъ открыть міру. Это — Мартынъ Задека, Брюсовъ календарь, оракулъ царя Соломона, — книги житейской мудрости, непогрѣшимые оракулы, съ предсказаніемъ всѣхъ важныхъ событій, какъ-то: войнъ, глада и мора — за тысячу лѣтъ, и погоды на каждый день.

Мартынъ Задека былъ моимъ первымъ учителемъ и наставникомъ, послѣ того, какъ мой старшій братъ Максимъ обучилъ меня читать „по складамъ“ на церковно славянскомъ языкѣ. Сколько бабъ и дѣвокъ приходило ко мнѣ ворожить! Онѣ сами брали житное зернышко и бросали въ кругъ, за

узѣлъ на какую цифру падетъ это зернышко. Мое дѣло было отыскать текстъ подъ этой цифрою и провѣрить по складамъ великую тайну, сокрытую въ соотвѣтствующемъ параграфѣ. Неграмотныя бабы и дѣвки немало содѣйствовали моему усовершенствованію въ чтеніи и въ уразумѣніи прочитаннаго, вѣрно подсказывая мнѣ смыслъ задекинскихъ изрѣченій. Послѣ многихъ напряженій общими силами открывали, что Задекинское „слово-у-су — добре-ерь-дь—буки-азъ-ба" есть просто на просто „судьба", а „Червь есть-че люди он-ло—вѣди-ять-вѣ-како-ерь-ер-къ" значитъ „человѣкъ".

И много личныхъ, семейныхъ и общественныхъ тайнъ было открыто мнѣ благодаря Мартыну Задекъ!

Десятки милліоновъ темныхъ людей проживало въ Россіи, какъ въ мрачной тюрьмѣ, не видя ни малѣйшаго луча, ни малѣйшаго просвѣта!... И вотъ, — въ такихъ-то условіяхъ и вырабатывалось положительное содержаніе воли, которое хранилось въ глубочайшей тайнѣ даже отъ высшихъ административныхъ лицъ въ имперіи.

Сами помѣщики метались, какъ потерянные, не зная правъ и ея размѣровъ. Они также жили слухами да взаимными объѣздами и совѣщаніями. Они сами съ тревогой прислушивались къ толкамъ среди крестьянъ, и для нихъ тоже было дѣломъ далеко не безразличнымъ, какіе слухи и мнѣнія идутъ въ народѣ, изъ чьихъ бы устъ они ни исходили—отъ бабъ, дѣвокъ или малыхъ ребятъ. Это всеобщее невѣдѣніе служило неисчерпаемымъ источникомъ для всякихъ фантазій и вымысловъ, которые люди въ концѣ концовъ разучились отличать отъ дѣйствительности.

Съ одной стороны, крестьяне въ своихъ требованіяхъ, или скорѣе—желаніяхъ, шли до логическаго конца, добиваясь полной „справедливой воли", считая безспорнымъ, что вся земля должна отойти къ крестьянамъ.

Съ другой стороны, помѣщики-крѣпостники рели и метали по поводу всякой побѣдки крестьянъ, представляя всѣ ужасы, включительно до полнаго избіенія помѣщиковъ крестьянами.

При полномъ отсутствіи гласности, при полномъ невѣдѣніи того, что дѣлается и готовится на верху, при взаимной подозрительности, установившейся между помѣщиками и крестьянами, каждому оставалось руководиться только слухами и предположеніями, принимая ихъ какъ бы вполнѣ и такое и обратное изъ обоихъ достовѣрнымъ.

Такъ поступали всѣ. Такъ поступила Фекла, такъ поступила и Фроська. Феклѣ довѣрять нельзя, это повѣрщица. Горе своего отца, которое было и ея горемъ. И горе это обратилось въ радость великую, когда смерть злодѣя-караульщика дѣтскій „міръ“ рѣшилъ, что онъ долженъ отойти къ крестьянамъ.

Тоже случилось и съ Фроськой. Для нея установившіяся мнѣнія окружающихъ получили силу законовъ. Поэтому нужно было сдѣлать только одно разбить возникшее несправедливое мнѣніе, пока оно не укрѣпилось. И Фроська достигла своего.

И указывая здѣсь на поведеніе этихъ дѣтей, я могъ бы привести множество примѣровъ въ томъ же смыслѣ изъ послѣдующаго періода, относящихся уже не къ дѣтямъ, а къ цѣлымъ обществамъ и волостямъ, которыя вопреки закону и Положенію о Крестьянахъ, несмотря на авторитетное разъясненіе не какого-нибудь караульщика, а самого губернатора, подъ угрозою направленныхъ въ ихъ грудь штыковъ, кричали: „Бейте, мы ваши, а земля наша!..“

Такова сила объединеннаго народнаго сознанія.

VIII.

Царь.

Однако, Федьку-то съ Фроськой мы ублаготворили, а самый то вопросъ, изъ-за котораго весь сыръ-боръ загорѣлся, остался не только нерѣшеннымъ, но теперь окончательно запутался. Что же теперь будутъ дѣлать господа со своимъ, все таки, довольно изряднымъ хозяйствомъ? У нихъ и службы разныя, и домъ, и садъ, огороды, гумно. Тутъ большой крестьянской семьѣ трудно справиться. А баринъ съ барыней и вовсе къ работѣ не привычны: ни пахать, ни жать, ни лошадь запречь,—ничего не умѣютъ. Какъ тутъ въ самомъ дѣлѣ быть? Одинъ бы выходъ — „помочью?..“ Да гдѣ тутъ помочью обойтись! Никакъ нельзя!

Выходило такъ, что если самому хозяйствомъ не заниматься, землю не обрабатывать и самому не работать, то послѣ воли господамъ и жить въ деревнѣ совсѣмъ незачѣмъ. Лучше въ городъ ѣхать, въ „писаря“, а не на царскую службу поступить, чѣмъ крестьянскимъ дѣломъ заниматься. Торговать или въ купцы записаться—тоже нельзя—и для господъ какъ-то безчестно, да и занятіе для нихъ не сподручное: никогда ни покупать, ни продавать, какъ слѣдуетъ, господа не умѣли. Прогорятъ, какъ пить дать!..

Сколько мы голову ни ломали надъ тѣмъ, какъ барскому горю помочь — ничего, однако, придумать не могли, пока не открылъ всеотмыкающій, всеразрѣшающій ключъ.

Этотъ ключъ предсталъ передъ нами въ образѣ „батюшки царя“.

У царя есть всемѣтная царская казна. Онъ, какъ красное солнышко, всѣхъ обогрѣетъ. Если онъ и не всевѣдущій, то все же многознающій и премудрый: онъ все уразумѣетъ и разрѣшитъ, чего простымъ не дано. Онъ — добрый и справед-

вый. И кто до него дойдетъ, тотъ никогда ни въ чемъ отказу не получитъ.

Въ примѣненіи къ различнымъ случаямъ, достоинствамъ, добродѣтели и самый образъ царя выяснились передъ нами до наглядная представленія. Царь не можетъ быть маленькимъ мальчикомъ и даже молодымъ человѣкомъ, потому что каждый изъ насъ по себѣ зналъ, что молодость очень легкомысленна,—и поиграть, и побѣгать захочется,—а какъ же... развѣ царь будетъ бѣгать да играть? Какъ это можно! — Такое предположеніе казалось намъ всѣмъ настоящимъ кощунствомъ. Царь—святой человѣкъ. А всѣ святые — старые старики. Миколу Милостиваго мы всѣ знали. И царь непремѣнно старикъ... и сѣдой, и съ большой бородой. Ну тамъ сынъ, — наслѣдникъ значитъ, — тотъ, извѣстно, молодой будетъ.

Выяснилось даже и то, какъ Бѣлый Царь своимъ царствомъ правитъ.

Сидитъ это онъ на превышемъ престолѣ, а справа отъ него его сынъ,—наслѣдникъ значитъ. А промежъ нихъ бѣлый голубокъ крылышки расправилъ. А по бокамъ генералы да сенаторы стоятъ и все на царя смотрятъ. Все время молчатъ, только крылышками машутъ, — точь-въ точь какъ на иконѣ въ церкви написано. И что ни часъ, что ни минута, то царь во всѣ концы своего царства своихъ кульеровъ разсылаетъ. Подзоветъ къ себѣ кульера и перо ему въ шапку воткнетъ, значитъ, чтобы летѣлъ безъ удержу.

И долго спустя, будучи уже взрослымъ, при видѣ подобной картины, мнѣ всегда вспоминалось наше милое, наивное дѣтство.

Какъ бы то ни было, слѣдуетъ отмѣтить, какъ рѣзкую, характерную черту въ нашемъ дѣтскомъ настроеніи: рядомъ со страхомъ и непріязнью по отношенію къ помѣщикамъ

было трогательное почтеніе и уваженіе къ личности царя, доходящее до обожанія.

Откуда же мы могли проникнуться столь глубокимъ чувствомъ обожанія и вѣры въ царя, какъ не отъ отцовъ и матерей нашихъ? Вѣра въ царя, надежда на царя вносила въ крестьянскую массу миръ и успокоеніе. Съ этими чувствами къ царю наше поколѣніе вошло въ 60 и 70 годы, и только благодаря силѣ этихъ чувствъ отъ крестьянъ съ одинаковой легкостью долго отскакивали и казенныя разъясненія „воли“ чиновниками, и пропаганда революціонеровъ.

IX.

Натуральное хозяйство.

Здѣсь я позволю себѣ отмѣтить еще одно очень существенное обстоятельство, надъ которымъ мнѣ приходилось не разъ останавливаться, чтобы уяснить себѣ: почему въ нашу дѣтскую голову ни разу не приходила мысль о выкупѣ или какой-нибудь другой формѣ денежнаго вознагражденія или денежной помощи обиженнымъ помѣщикамъ?

Что взглядъ на землю, какъ на вещь, которой грѣшно торговать, дѣйствительно существовалъ среди крестьянъ, — это вѣрно. Но самъ этотъ взглядъ вытекалъ изъ болѣе общаго воззрѣнія крестьянъ на извѣстныя формы общественнаго хозяйства, — въ томъ смыслѣ, что крестьянская масса того времени не знала иного хозяйства, кромѣ натуральнаго. Купля и продажа лежала внѣ предѣловъ крестьянскаго хозяйства. Продаютъ и покупаютъ только купцы, торговцы — люди, ничего общаго съ крестьянствомъ не имѣющіе. Это ихъ дѣло жить отъ денегъ и деньгами. Крестьянинъ знаетъ единственный способъ пріобрѣтенія и отчужденія—обмѣнъ человѣческаго труда въ формѣ продуктовъ. Яснаго представленія о наемномъ трудѣ,

с денежнымъ хозяйствѣ тогда еще не было. Мануфактуры и заводы того времени держали своихъ рабочихъ тогда въ положеніи крѣпостныхъ, и есть указаніе—какъ только отмѣнятъ крѣпостныхъ и заводскимъ работникамъ,—что какъ только отпустятъ воля, они тотчасъ же бросятъ свои фабрики и заводы и заживутъ крестьянской самостоятельной жизнью, заведутъ свое самостоятельное хозяйство.

Денежнаго хозяйства, капиталистическаго производства,—съ его детальнымъ подраздѣленіемъ труда, съ специализированными рабочими, лишенными самостоятельности и всякой было ни было интереса къ предпріятіямъ, въ которыхъ они заняты, и превращенными въ отдѣльные зубцы сложнаго механизма,—тогда еще не было даже и въ поминѣ. Тогда каждая семья работала на себя, производила продукты для своего потребленія, а не на продажу. Городъ, рынокъ, базаръ или ярмарка были лишь необходимымъ дополненіемъ, придаткомъ къ крестьянскому хозяйству, и сами деньги употреблялись исключительно какъ средство обмѣна, въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя пріобрѣсти нужную вещь путемъ непосредственнаго обмѣна на продукты своего труда. Крестьянская семья кормила, одѣвала и обувала себя своимъ собственнымъ трудомъ. Крестьяне въ лѣсу драли лыки для лаптей и дуги для телѣгъ и саней, для вязьки берестовыхъ бураковъ или тулововъ, рѣшетъ, коробовъ и т. п., добывали мочало для рогожъ и веревокъ; шерсть отъ овецъ и барановъ давала верхнюю одежду; ленъ, посконь и конопля давали всякаго рода матерію для нижняго платья и бѣлья.

Всѣ обязательства къ помѣщику выполнялись натурой или „барщиною", т.-е. обязательнымъ трудомъ на барина. Крестьянки приносили барину натурой часть добытыхъ продуктовъ,—яицъ, пряжи, холста, грибовъ, ягодъ и т. п. Тѣмъ же способомъ расплачивались крестьяне съ попомъ и причтомъ,

съ мѣстными писарями и живописцами, съ цыганами и кузнецами и съ проѣзжими торговцами — „коноводами“, изъ коихъ послѣдніе уже своимъ обычнымъ крикомъ по селу обнаруживали лучше всего характеръ своей профессіи:

„Эй, вы, бабы, дѣвки молодыя!.. Идите, хлѣба несите, деготь не трясите!.. Чашки, ложки мѣнять на кошки!..“

И дѣйствительно, огромная часть кошекъ на селѣ становилась жертвою натуральнаго хозяйства.

Въ дѣйствительности, господствовавшее натуральное хозяйство для своего прогрессивнаго развитія требовало специальныхъ условій и создавало особую психологію въ рабочихъ массахъ и въ цѣлой странѣ. Оно требовало жизни большими семьями, большими селами, общиннаго владѣнія землей, развитія артельнаго труда, развитія производства на кооперативныхъ началахъ, превращенія частныхъ хозяйствъ въ коллективныя и простыхъ — въ болѣе сложныя путемъ федерированія ихъ снизу вверхъ, переходя послѣдовательно отъ семейнаго къ общинному, волостному, земскому, областному и общенаціональному.

Поэтому, передача земли въ руки частныхъ лицъ, неспособныхъ жить трудами рукъ своихъ, признаніе земли частной собственностью помѣщиковъ или выкупъ ея у помѣщиковъ,— все это никакъ не вязалось съ глубоко укоренившимися взглядами крестьянъ на систему общественнаго хозяйства, логически вытекавшими изъ практики натуральнаго хозяйства.

Идея „жить трудами рукъ своихъ“ вышла, несомнѣнно, изъ нѣдръ натуральнаго хозяйства, какъ и идея о грѣховности торговать землей. Великое моральное, лежавшее въ основѣ, начало этой идеи, въ примѣненіи къ отдѣльной личности и въ системѣ денежнаго хозяйства вело и нерѣдко приводило людей къ абсурду, къ узкому индивидуализму, къ анархизму, — такъ какъ даже при господствѣ натуральнаго хозяйства въ настоящее время не только отдѣльный чело-

вѣкъ, но и семья и цѣлая община не въ силахъ жить трудами рукъ своихъ. Для этого нужна обширная кооперація людей.

Между тѣмъ, люди, односторонне захваченные моральнымъ началомъ этой идеи „жизни трудами рукъ своихъ", ударились впослѣдствіи въ „богочеловѣчество" и „толстовство", бросившись создавать коммунистическія трудовыя колоніи въ Америкѣ и въ Россіи. Они равно не терпѣли денегъ...

И мы, дѣти, склонны были скорѣе примириться на томъ, что крестьяне обяжутся давать и доставлять барину дрова міромъ, и отбывать службу кучера, садовника или повара натурой, чѣмъ переводить земли и эти службы на деньги и устанавливать за нихъ выкупъ. Деньги считались очень рѣдкой и дорогою вещью — „дороже свотого горба".

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Воля.

I.

Манифестъ.

Манифестъ 19 февраля 1861 года, какъ извѣстно, составлялся довольно долго: онъ писался, исправлялся, переписывался, въ него вносили новыя поправки, и въ концѣ-концовъ изъ-подъ великопостнаго пера митрополита Филарета, который былъ ярымъ противникомъ освобожденія крестьянъ, манифестъ вышелъ такой туманной и вычурной редакціи, что пониманію широкихъ народныхъ массъ оказался совершенно недоступнымъ.

Слушая въ церкви или на сходѣ Манифестъ 19 февраля, крестьяне рѣшительно ничего не понимали. Требовались тотчасъ же комментаторы, истолкователи, переводчики... Отсюда и безконечная путаница при взаимной подозрительности между „господами" и „мужиками", на которыхъ была раздѣлена вся тогдашняя Россія.

Всѣ—и крестьяне, и дворяне, и вся Россія—говорили о „волѣ", о „вольныхъ" крестьянахъ, и такъ и понимали въ первое время всякую бумагу, исходящую отъ престола или отъ правительства, и вдругъ черезъ нѣкоторое время крестьяне узнаютъ, что ихъ изъ „вольныхъ" переименовали во „временно-обязанныхъ". Одно это обстоятельство впослѣдствіи порождало множество недоразумѣній.

II.

Наканунѣ.

Когда читали и читали ли у насъ въ селѣ Манифестъ 19 февраля, я рѣшительно не помню. Если и читали, то въ церковь я noшелъ — очевидно, не могъ и, можетъ быть, поэтому о чтеніи Манифеста въ церкви ничего не помню. Ясно, что никакой особой сенсаціи чтеніе въ церкви не вызвало. Зато я помню гражданское, такъ сказать, провозглашеніе воли сдѣланное какимъ-то чиновникомъ въ мундирѣ. Завернулъ изъ села въ село. Читалъ ли онъ Манифестъ или какую-нибудь другую бумагу, сказать не могу. Вѣроятно, въ селѣ было не содержаніемъ прочитаннаго документа, а, съ одной стороны, предшествовавшимъ настроеніемъ и ожиданіемъ объявленія воли, и съ другой—тѣми простыми и ясными словами, съ которыми чиновникъ обратился къ крестьянамъ, поздравляя ихъ съ царской милостью и съ данной „волей".

Наканунѣ этого знаменательнаго дня, рано утромъ съ барскаго двора разнесся слухъ, что „завтра" пріѣдетъ какой-то начальникъ „объявлять волю крестьянамъ". И дѣйствительно, днемъ староста получилъ приказъ: на завтра собрать сходку на барскомъ дворѣ, утромъ, до обѣда, для чего и долженъ извѣстить крестьянъ своевременно.

Отправились десятскіе съ подожками стучать подъ окнами: „Эй, Сидоръ!.. Иванъ!.. Тетка Акулина!... Завтра утромъ на барскій дворъ!... будутъ волю объявлять!.."

Нѣтъ, то не подожекъ стучалъ, то гудѣлъ соборный колоколъ подъ каждымъ окномъ!...

При первомъ же ударѣ подъ окномъ словно электрическая искра пролетѣла по всему селу...

...Давно уже у всѣхъ звенитъ въ ушахъ: „Эй!.. завтра волю объявлять!.." Съ каждымъ новымъ дворомъ перемѣня-

лись только имена домохозяевъ, во всемъ остальномъ подо-
жекъ гудѣлъ попрежнему, какъ колоколъ, все сильнѣе и ко-
рче: „Эй!.. Завтра воля!... Завтра воля! воля! воля! воля!..“

— Воля!.. прокатилось по всему селу.

И хотя многіе домохозяева встрѣчали десятника самолично, стоя на улицѣ, у калитокъ и воротъ своихъ домовъ, но на этотъ разъ десятникъ, не обращая на это вниманія, подхо-
тилъ къ окну и формально стучалъ, называя одного изъ старшихъ членовъ семьи, безъ различія возраста и пола.

Къ строгому выполненію своихъ обязанностей десятника побуждала все возрастающая вокругъ него толпа ребятъ, изъ коихъ многіе забѣгали далеко впередъ отъ десятника. предваряя его пришествіе и оповѣщая домохозяевъ заранѣе о радостномъ событіи. Возвратившись назадъ и сопровождая десятника, мы вновь останавливались вмѣстѣ съ нимъ у каждой избы и въ сотый разъ съ неослабнымъ вниманіемъ выслушивали его пѣвучіе призывы, нерѣдко подсказывая ему имена наличныхъ членовъ домохозяйства.

Ахъ, дѣвоньки!.. Ахъ, бабыньки!.. Воля, слышь, завтра объявится!.. въ сотый разъ сообщали другъ другу всѣмъ извѣстную новость дѣвки и бабы.

— Дунька, а Дунька!.. Что это Иванъ съ лодожкомъ хо-
дитъ?.. Аль нарядъ какой?.. спрашиваетъ глухой, весь тря-
сущійся дѣдъ свою правнучку.

— Волю, дѣдушка, объявлять будутъ!.. На сходку на-
ряжаютъ!.. кричитъ изъ всѣхъ силъ Дунька на ухо старику.

— Какъ волю?.. чего волю?.. Что ты зря болтаешь... Дурочка!.. Чего ты врешь?.. Дѣдушку обмануть хочешь?..

— Нѣтъ, дѣдушка!.. Вотъ те крестъ, взаправду!..

— Дурная ты!.. Ишь, чего выдумала!.. — заходилъ ходу-
номъ старикъ отъ усиленной тряски. — Подь, покличь ко мнѣ Гараську!.. Право, дурная...

И старикъ до тѣхъ поръ не могъ успокоиться, пока его сынъ, шестидесятилѣтній Гараська не подтвердилъ сообщеніе дѣвочки.

Короче сказать, настроеніе крестьянъ послѣ „объявленія воли" было приподнятое, необычное, но сдержанное и до нѣкоторой степени тревожное. Каждый съ утра до ночи былъ занятъ какой-нибудь работой, которая мѣшала настроенію села вылиться въ какую-нибудь обычную или новую форму.

А къ вечеру проявилось даже неудовольствіе, когда узнали, что по приказу съ барскаго двора сдѣланъ большой наряд подводъ для отвозки хлѣба за 15 вер. на барскую мельницу.

— Небольно, чай, къ спѣху.. Для такого-то дня можно бы и отложить — говорили недовольные.

III.

Безъ заглавія.

Тихо спустилась на село и медленно простерла по немъ мягкая, теплая, темная и трепетная ночь...

IV.

Утромъ.

То было въ то благодатное время, когда изъ всего полнебеснаго пространства я зналъ только три страны свѣта: восходъ, закатъ и полудни: когда я не зналъ еще, что существуютъ разные года и разные мѣсяцы въ году; когда я уже зналъ, однако, всѣ четыре времени года: весну, когда не очень жарко, лѣто, когда очень жарко, осень, когда не очень холодно, и зиму, когда очень холодно и можно кататься на салазкахъ.

То было въ то безмятежное время, когда изъ семи дней въ недѣлѣ я зналъ только три: воскресенье, — потому что

праздникъ: среду и пятницу,— потому что въ эти дни намъ не давали ничего скоромнаго: ни мяса, ни яицъ, ни молока. Лишь много спустя къ этому присоединился понедѣльникъ,— потому что это былъ „тяжелый день". Но мы, дѣти, не знали порядка ихъ слѣдованія и покорно относились, когда намъ смѣняли рубашку или мыли голову и когда намъ ставили на столъ то кашу съ молокомъ, то картошку съ постнымъ масломъ или квасъ съ кислой капустой, съ хрѣномъ, съ рѣдькой и солеными арбузами или огурцами. Хлѣбъ разрѣшалось ѣсть ежедневно, а посему онъ не представлялъ для насъ ничего поучительнаго.

День разбивался на три главныя упряжки: завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Ночь предназначалась для того, чтобы додѣлать то, что люди не успѣли сдѣлать днемъ; а — остатокъ отъ сего шелъ на сонъ, на отдыхъ и на всѣ прочія удовольствія.

Пришла ранняя весна. Снѣгъ сошелъ съ полей. Было сухо и тепло.

И вотъ, въ памятное утро того великаго дня сама природа, глядя на людей, распустилась широкой улыбкой. Когда красное, красное солнце, еще не умытое и не совсѣмъ причесанное, продрало глаза и бросило бѣглый взглядъ на наше село,—всѣ, и старь и младь,—всѣ, кто могли стоять на ногахъ или на четверенькахъ, уже стояли, двигались, копошились...

Вся скотина на селѣ, ждавшая своего выгона въ стадо, грудные младенцы и ихъ матери—каждый по своему—громко славили наступающее утро.

И мы съ сестренкой еще до восхода солнца вышли на дворъ и умылись—или скорѣе—намочили лицо холодной водой изъ висѣвшаго на дворѣ чугуннаго рукомойника съ двумя носиками. Добрая мама тщательно „разодрала" намъ „космы" своей большой деревянной гребенкой, предназначенной для расчески кудели, послѣ чего наши головы неожиданно приняли праздничное настроеніе.

Едва мы успѣли окончить свой утренній туалетъ, какъ вдоль улицы брызнули первые лучи восходящаго солнца. Мы тотчасъ же бросились изъ избы на улицу.

Словно по уговору, одинъ за другимъ изъ бѣлыхъ раскрытыхъ дворовъ стали появляться русыя и бѣлыя, какъ лѣнъ, головки нашихъ товарищей, мальчиковъ и дѣвочекъ.

Быстро всѣ сошлись и спѣлись по всей улицѣ. Было рѣшено тотчасъ послѣ завтрака всѣмъ ребятамъ итти къ барскому двору и—если можно—заранѣе бѣжать на конъ въ щели, углы и закоулки.

Сговорившись, всѣ разошлись по домамъ, гдѣ матери и взрослые, въ свою очередь, торопились раньше обыкновеннаго покончить свои утреннія работы, чтобы быть свободными и итти на барскій дворъ.

Настроеніе у всѣхъ было возбужденное. Работа исполнялась быстро, но машинально: она не захватывала душу: всѣ мысли и чувства рвались къ барскому двору.

V.

Мимолетная тучка.

Кое-гдѣ сердито скрипѣли и хлопали ворота, пропуская лошадей, запряженныхъ въ телѣги съ пустыми мѣшками, пыновками, пологами и войлоками. То выѣзжали въ наряд на барщину тѣ недовольные, которые въ столь торжественный день должны были ѣхать за пятнадцать верстъ на барскую мельницу.

Они рвали и метали... ругали лошадей, ругали семейныхъ, ругали приказчика и барина, ругались межъ собой. Никто не думалъ унимать ихъ, потому что при первой просьбѣ „ругаться и кричать потише“, они только „раскрывали ротъ шире варежки“ и костили всѣхъ безъ разбору. Большинство

изъ нихъ были еще молодые парни. Степенные люди уговаривали ихъ ѣхать безпрекословно. „Можетъ быть, въ послѣдній разъ изъ подневольки-то, — утѣшали они: — воля все равно не уйдетъ отъ васъ".

Мало-по-малу привычка къ работѣ взяла свое; физическое напряженіе при насыпкѣ хлѣба, необходимость удѣлять нѣкоторое вниманіе въ процессѣ самой работы,—все это отвлекало горькія мысли отъ больного вопроса, и вносило успокоеніе, такъ что въ концѣ-концовъ образовался довольно длинный обозъ, который двинулся изъ села.

Только одинъ изъ недовольныхъ возчиковъ ни на одну минуту не могъ успокоиться. То былъ мой двоюродный братъ, Петруха, по прозванію Сухланка. Проѣзжая по селу, онъ все время продолжалъ кричать и ругать приказчика за то, что тотъ распорядился „гнать" людей въ такой день; а своихъ товарищей—за то, что они согласились ѣхать на мельницу.

Тише, ты, Петруха!.. Не дери такъ глотку... Вѣдь, на барскомъ дворѣ слыхать, какъ ты ихъ костишь. Смотри, послѣ не покаяться бы...

А мнѣ наплевать!.. ступай, донеси кому хочешь. Скажи ему, душегубу: когда-нибудь захлебнется онъ нашими слезами!..

Это обстоятельство сначала сильно обезкуражило оставшихся въ селѣ. Но мало-по-малу первое впечатлѣніе изгладилось, и передъ всѣми встала одна и та же мысль:

Вѣка терпѣли!.. потерпимъ еще. То въ корчахъ и въ злобной агоніи умираетъ одряхлѣвшій крѣпостной строй!.. Еще нѣсколько часовъ, и—миръ праху его!..

И вся эта тревога, какъ мелкая рябь на поверхности большой рѣки, появившаяся отъ набѣжавшаго вѣтерка, вновь замѣнилась стеклянной поверхностью, и широкая, и глубокая рѣка неудержимо несла все дальше и дальше къ открытому морю свои могучія воды.

VI.

На барскомъ дворѣ.

Нашъ ребячій завтракъ совершался обыкновенно у всѣхъ по одной и той же системѣ. Послѣ утренняго сбориша на улицѣ, мы расходились всѣ по домамъ, какъ разъ къ тому времени, когда хлѣбъ вынимается изъ печей. Если, благодаря увлеченію игрой, мы пропускали торжественный моментъ вынимания хлѣба изъ печки, то матери или сами, или посылали кого-нибудь изъ семьи—кликнуть ребятъ „завтракать". Если, проголодавшись, мы прибѣгали домой раньше времени, то терпѣливо ждали, стоя у печки, когда мать начнетъ вынимать лопатой хлѣбъ.

Только что вынутый изъ печки хлѣбъ нельзя ѣсть, потому что очень горячъ и обдаетъ лицо паромъ, какъ кипяткомъ... Когда мы были очень голодны и начинали хныкать, глядя на горячіе „пироги", мать спѣшила остудить хлѣбы, разрѣзавъ его крестъ-на-крестъ на четыре горбушки. Получивъ, затѣмъ, каждый по ковригѣ хлѣба, мы всѣ выбѣгали на улицу и тамъ ѣли въ компаніи и на виду у всѣхъ. Здѣсь каждый старался показать свой товаръ лицомъ, поддержать репутацію своего хозяйства и честь хозяйки дома. Здѣсь мы узнавали,—у кого что пекли, у кого изъ хозяекъ удались хлѣбы, у кого „закисли", или „плохо поднялись" у кого былъ пшеничный, у кого ржаной и у кого „мѣшанка".

На этотъ разъ все шло ускореннымъ темпомъ: раньше протопились печи, раньше вынуты хлѣбы. Схвативъ по ковригѣ горячаго хлѣба, каждый изъ насъ спѣшилъ на улицу, а съ улицы на барскій дворъ. Около воротъ барскаго двора уже видпѣлись маленькіе бродяги съ другихъ концовъ улицы,—и также съ ковригами и ломтями хлѣба въ рукахъ.

Когда мало-по-малу насъ набралась изрядная артель, мы

стали дѣлать рекогносцировки и заглядывать внутрь обширнаго двора. Направо, въ углу и въ глубинѣ двора, близъ каменной конюшни, были кучей сложены бревна. Пошептавшись другъ съ другомъ, мы, одинъ по одному, стали пробираться по двору къ этимъ бревнамъ. Подобно стаѣ воробьевъ или скворцовъ, мы скоро густо облѣпили бревна со всѣхъ сторонъ. По двору проходило много людей, — дворовыхъ и крестьянъ, мужчинъ и женщинъ,—всѣ насъ видѣли, но никто не ругалъ, никакихъ замѣчаній не дѣлалъ, и мы стали смѣлѣе, стали бѣгать и гоняться другъ за другомъ.

Во время погони одинъ малецъ, спасаясь отъ другого, пытался укрыться за проходившей мимо него женщиной, несшей обѣими руками крынку молока. Нападающій, желая схватить свою жертву, толкнулъ женщину такъ, что она пролила немного молока на свой передникъ.

Женщина остановилась, посмотрѣла на крынку, на свой передникъ и потомъ на всѣхъ насъ, объятыхъ ужасомъ. Она была, очевидно, очень добрая женщина, потому что, увидѣвъ нашъ необычный испугъ и догадываясь, зачѣмъ мы пришли, она ограничилась только ласковымъ замѣчаніемъ:

— А вы, ребятки, потише... Сидите смирно, а то, пожалуй, васъ и со двора выгонятъ.

Сказала и ушла во флигель. Мы всѣ признали ея замѣчаніе совершенно основательнымъ и потому нѣкоторое время сидѣли смирно, боясь двигаться. Потомъ... молодость взяла свое...—и мы мало-по-малу вновь одерзѣли. Одинъ толкнулъ другого локтемъ, а тотъ ему отвѣтилъ цѣлымъ пучкомъ: первый пустилъ въ дѣло кулакъ, но, опасаясь усиленнаго возмездія со стороны другого, рѣшилъ уклониться отъ удара и ударить безнаказанно. Расчеты оказались невѣрными: потерпѣвшій рѣшилъ во что бы то ни стало оставить послѣднее слово за собою, и началась свалка. На насъ глядя, принялись и другіе. Началась общая война.

Только что мы стали было во [illegible] ѣхать, [illegible] другъ за другомъ, какъ видимъ: изъ того флигеля, куда скрылась женщина съ крынкой молока, вышелъ пожилой человѣкъ изъ дворовыхъ. Медленно направился въ нашу сторону, онъ видѣлъ, какъ мы всѣ переглядывались, съежились и какъ [illegible] застыли, затаивъ дыханіе. Проходя мимо насъ, какъ будто по своему дѣлу, онъ остановился, косо насъ такъ посмотрѣлъ и еще того ласковѣе сказалъ:

— Ну, что, старички, небось, волю служить пришли?.. Что же, — доброе дѣло, что пришли. Только рановато, пожалуй... Долго жать придется. Начальникъ еще не пріѣхалъ. А, впрочемъ, коль не скучно, — жните... Чего вамъ дѣлать-то. Играйте, никого не бойтесь: ни прикащика, ни самого барина. Только одного, ребятки, остерегайтесь: какъ бы Азей не принесъ. Знаете Азея?.. Лохматый такой, съ большой бородой? Вы, чай, знаете его карахтеръ-то?.. Всѣхъ бы человѣкъ ничего, а вотъ ребятъ кучей видѣть не можетъ... Ему скворцы мерещутся... Какъ только увидитъ кучу ребятъ, сейчасъ у него глаза кровью наливаются, словно собака взбѣсится, и первымъ дѣломъ — на четвереньки становится. Мы эту манеру его давно уже знаемъ. Какъ только встанетъ на четвереньки, мы, вотъ и взрослые, и то поскорѣе давай Богъ ноги. Потому что въ бѣшенствѣ-то, — сами понимаете, — человѣкъ не помнитъ ничего: либо укуситъ, либо палкой, либо топоромъ, а то изъ ружья убьетъ. Вотъ, на случай, его поостерегайтесь. А такъ — ничего... Играйте, ребятки, на здоровье. Онъ, можетъ быть, сегодня и совсѣмъ не пріѣдетъ...

Сказалъ и пошелъ себѣ потихоньку дальше. А у насъ у всѣхъ ужъ морозъ по кожѣ деретъ... Сидимъ да по сторонамъ озираемся, — не идетъ ли Азей. Кто ни пройдетъ съ бородой, а намъ ужъ Азей представляется. Убѣжать бы поскорѣй!.. да кучей-то опять нельзя: а вдругъ Азей погонится!..

Такъ мы тѣмъ же порядкомъ, по одному да по двое, тихонько да полегоньку вдоль стѣнки да къ воротамъ. И каждый все думаетъ: пронеси ты, Господи, только за ворота, на улицу... А тамъ и Азей не страшенъ...

Жутко было первымъ-то итти въ одиночку... Ну, да и тѣмъ, что принуждены были оставаться и ждать своей очереди, — тоже не слаще было!..

Ничего, однако... Посчастливѣло,—благополучно до дому добрался. Разсказываю про нашу неудачу мамѣ. А она:

Это, — говоритъ, — кто-нибудь пошутилъ надъ вами. У Азея только борода страшная, а самъ-то онъ добрый. Вѣдь, онъ тебѣ дядей доводится. Глупый ты... зачѣмъ онъ тебя будетъ кусать да убивать?

Однако, меня это мало успокоило. Хоть онъ мнѣ и дядя,— думаю себѣ,—а все-таки зачѣмъ же на четвереньки-то становится?.. Нѣтъ, ужъ лучше подальше отъ него.

Такъ изъ насъ, ребятъ, въ этотъ день внутрь барскаго двора никто и не пошелъ.

Но волю слышать попрежнему страшно хотѣлось.

VI.

Объявленіе воли.

Давно прозвенѣли колокольчики, давно бѣшено пронеслась тройка, давно ужъ валилъ народъ со всѣхъ сторонъ, направляясь къ барскому двору, который былъ давно ужъ наполненъ народомъ. Внутренность двора была занята больше стариками и взрослыми мужиками. Молодежь и ребята стояли позади воротъ и внѣ двора, прижавшись плотной массой къ низкой каменной стѣнѣ съ высокой деревянной рѣшеткой. Почти всѣ старухи, бабы, дѣвки и дѣти, стоявшія внутри двора, принадлежали къ семействамъ дворовыхъ людей.

Здѣсь же, за оградой, любознательное человѣчество, въ концѣ-концовъ, выстроилось приблизительно въ такомъ порядкѣ: около самой рѣшетки — дѣти, мальчики и дѣвочки, вмѣстѣ со старухами; дальше сгрудились дѣвки и бабы, молодухи, пожилыя бабы и позади — молодые парни, которые переходили съ мѣста на мѣсто или залѣзали на крыши амбаровъ, откуда только и можно было видѣть барскій дворъ.

Что касается до насъ, дѣтей, то мы вскорѣ уступили свое мѣсто одѣтымъ старухамъ, взобравшись сами на каменную стѣнку и обвѣшивъ густымъ живымъ плющемъ всю деревянную рѣшетку. При такой диспозиціи нашей всѣ наслѣдники остального, стоявшаго за нами человѣчества — бросить хоть разъ бѣглый взглядъ во внутренность двора — совершенно исчезли. Задніе ряды лишь по движеніямъ и возгласамъ переднихъ догадывались о происходящемъ въ дворѣ.

Вскорѣ, однако, какъ-то само собой установился особый способъ сообщенія переднихъ рядовъ съ задними, какъ во дворъ, такъ и внѣ его — въ формѣ мѣтко брошеннаго слова или краткой фразы, характеризующихъ положеніе дѣлъ. Эти слова, начинаясь у крыльца, передавались дальше, чисто машинально, какъ восковыя свѣчи въ церкви передаются къ иконамъ. По этому, своего рода безпроволочному телеграфу, уже доносились вѣсти: „Самоваръ подали!..“ „Чай кушаютъ!.. „Отпили!..“ „Закуску понесли!...“

Въ ожиданіи дальнѣйшихъ новостей молодежь принималась шушукаться, подталкивать другъ друга, кой-гдѣ прорывался даже смѣхъ, быстро заглушавшійся, однако, строгими окриками со стороны старыхъ и пожилыхъ людей. Очевидно, въ общемъ настроеніе было молитвенное, какъ въ церкви или на открытомъ воздухѣ при подъемѣ иконъ.

Во время этого томительнаго ожиданія и произошла упомянутая выше перестановка стоявшей за рѣшеткой пу-

лики. Парни не хотѣли стоять, ничего не видя, и удалялись въ задніе ряды на просторъ, образуя тамъ однородную компанію. Мы, ребятишки, остались по сосѣдству со старухами и подъ ихъ надзоромъ.

Бабушка Аксинья, опираясь на клюку, неотступно держала другой рукой за ногу свою внучку Оньку, взѣзшую рядомъ со мной на рѣшетку. Какъ вскорѣ оказалось, это единеніе руки съ ногою объяснялось не одними родственными чувствами, боязнью, какъ бы Онька не соскользнула съ рѣшетки; бабушкина рука очень часто и довольно сильно дергала внучкину ногу, желая допытаться отъ нея, что дѣлается внутри двора.

— Онька, а Онька!.. Что, видно что-нибудь?.. Ты на крыльцо то глянь, на крыльцо...

— Нѣтъ, бабушка, ничего не видать. Крыльцо пустое... только мужики... которы въ шапкахъ, которы безъ шапокъ стоятъ,—сообщаетъ Онька.

— Это, знать, дворовые... въ шапкахъ-то, — внушала внучкѣ бабушка.

— Ты бы присѣла, бабушка Аксинья... Долго ждать-то... устанешь. Твое дѣло старое, гдѣ тутъ тебѣ выстоять. А то лучше бы домой шла,—говорили молодые.

— Послушать-то хотѣлось бы, коли довелъ Богъ дожить.

— Услышишь и дома, мы твою долю тебѣ цѣликомъ принесемъ.

— Вамъ все смѣшки да хахоньки, ребята... А мнѣ самой хотѣлось бы послушать, пока Господь уши не заложилъ,— защищалась старуха.

— Да что ужъ тутъ, бабушка, грѣха таить... Если по совѣсти сказать... Ну, на что тебѣ воля теперь?.. Вѣдь, все равно скоро помирать придется, — поддразнивалъ старуху молодой шутникъ.

— Христосъ съ тобой!.. Что ты говоришь... Не очень-то,

парень, фыркай... Никто не знаетъ, что у Бога-то въ книгѣ живота написано. Никто не знаетъ, кто изъ насъ до завтра доживетъ... Такъ-то... А къ тому же и не о себѣ хлопочу... Вотъ этихъ жалко. Ты не знаешь, сколько ихъ у меня? — и она указала на впучкину ногу.

— Ты-ка, прежде молоко на губахъ оботри, да тогда и приходи зубоскалить, — вступились за бабушку Аксинью другія старухи.

Чай, Аксинья-то твоему отцу въ бабушки годится, а ты зубы скалишь...

— Богъ съ нимъ... Богъ съ нимъ, — говорила уловлетворенная старуха и вновь задрала ногу своей внучки.

— Оеня!.. Оеня!.. Скоро ли?..

— Видно, скоро, бабушка... „Откушали", баютъ.

— Ну, слава тебѣ, Господи!..— шепчетъ старуха.

— Выходятъ!.. Должно быть, выходятъ!.. Всѣ шапки сняли!..—раздаются голоса съ рѣшетки.

Словно по командѣ, всѣ головы мужчинъ обнажились и на улицѣ, и даже на площади; а женщины начали креститься.

— Одинъ баринъ!... Только одинъ!.. Съ бумагой!..— вновь раздались сдавленные голоса съ рѣшетки.

— Оевька!.. Оенька!.. Чей баринъ?.. Нашъ баринъ?..

— Нѣтъ, бабушка, другой, чужой!.. Толстый...

— На крыльцѣ чужой баринъ!.. Одинъ!.. Съ бумагой!.. — покатилась дальше отъ рѣшетки къ площади Оенькина версія.

— Читаетъ!..—гремѣла рѣшетка.

— Крестись, православные!.. — прокатилась вѣсть отъ крыльца.

Всѣ пали на колѣни и крестились, глядя на церковь и на небо.

Потомъ поднялись, и настала таинственная тишина!.. Масса

народа, и ни единаго звука!.. ни малѣйшаго шума!. Только время отъ времени галки и грачи нарушали воцарившуюся тишину и тѣмъ лишь рѣзче подчеркивали великое таинство, совершавшееся въ сердцахъ людей въ этотъ чудный моментъ.

Продолжительное молчаніе, напряженные нервы, не улавливавшіе никакого содержанія, утомили людей. Наружные вновь стали взывать къ рѣшеткѣ, прося какихъ-нибудь свѣдѣній со двора.

— Оенька, а Оенька!.. Что тамъ идетъ?..

— Читаетъ, все читаетъ, бабушка,—отвѣчаетъ Оенька.

— А народъ-то какъ?—на ногахъ или на колѣняхъ стоитъ?..

— На ногахъ, бабушка.

— Ужь долго больно чего-то...—ворчитъ старуха.

— А ты, бабушка Аксинья, волю-то не укорачивай... Чѣмъ дольше, тѣмъ, значитъ, воля больше... Устала, знать? Говорили, вѣдь, тебѣ, домой бы шла,—подшучивалъ тотъ же молодой зубоскалъ.

На этотъ разъ положеніе бабушки Аксиньи было довольно щекотливое, и ни одна изъ старухъ не поддержала ее.

Но вотъ какой-то протяжный, тяжелый и глубокій вздохъ вдругъ вырвался словно изъ-подъ земли и пронесся по всему двору.

— Вольные!.. Вольные!.. Мы вольные!..

— Оенька!.. О-ька!.. Что такое?.. Что кричать?.. Зачѣмъ кричать?..—дергала немилосердно бабушка Оенькину ногу.

Наружные съ жадностью ждали разъясненій отъ рѣшетки.

— Кончилъ читать, бабушка... Бумагу сложилъ. Чего-то мужикамъ говоритъ... Всѣ на колѣни пали... Богу молятся!..

— Кончилъ!.. Кончилъ!..—кричала рѣшетка.

— Ушелъ въ домъ!..—дополняла она.

И вскорѣ изъ пасти широкихъ барскихъ воротъ повалила толпа на улицу, на площадь.

Наружные подхватывали „очевидцевъ“, отводили ихъ съ пути человѣческаго потока и принимались разспрашивать, особенно тѣхъ, которые похвалялись, что стояли поблизости отъ крыльца.

Около одного завѣдомаго грамотея, проучившаго всю церковно-славянскую азбуку и умѣвшаго читать псалтырь по полойникамъ, собралась на площади огромная толпа, обступившая его кольцомъ. Всѣ съ жадностью прислушивались къ его словамъ, не исключая и тѣхъ, кто самъ былъ „очевидцемъ“.

— Вотъ, значитъ, вышелъ это царскій начальникъ и началъ читать царскую грамоту.

— А чего въ грамотѣ-то?.. — слышались нетерпѣливые голоса.

— Да все насчетъ воли, все насчетъ воли... И то, и се... Все, значитъ, про наше житье говорится. Всего-то и не пересчитать... Сами видѣли, какъ долго читалъ... А только, значитъ, дочиталъ все до конца... Сложилъ грамоту да и говоритъ.

„Ну, — говоритъ, — православные мужички“. Теперь ужь я отъ себя васъ всѣхъ поздравляю съ царской милостью. Молите Бога за здоровье Царя-Государя, потому что теперь вы стали вольные. А насчетъ того, какъ дальше жить, то Царь-Государь вамъ особое положеніе прислалъ. Всѣ обчества по всей Расеѣ его получатъ. Получите и вы. А пока, — говоритъ, — съ Богомъ, по домамъ!..

— Какъ?!. Начальникъ такъ и сказалъ, что мы теперь вольные?—вновь переспрашивали наружные.

— Да! да!.. Это правда!.. Вѣрно!.. Точно!—кричали очевидцы, подтверждая сообщенія разсказчика.—Всѣ слышали!..

Такъ прямо и сказать: „Поздравляю, говорить. Молитесь за Царя!.. Теперь вы вольные!..“

Вдругъ словно плотина прорвалась! Стономъ застонало все село.

— Вольные!.. Вольные!.. Мы вольные?!..

. . . . . .

И вотъ, послѣ многихъ вѣковъ непрозвѣтнаго отчаянія у многострадальнаго народа русскаго впервые въ его исторіи потянись изъ глазъ сладкія-сладкія слезы вѣры, надежды и.. всепрощенія.

Великій историческій документъ, манифестъ 19 февраля 1861 года, самъ по себѣ является лишь внѣшней эмблемою уничтоженія крѣпостной зависимости; въ дѣйствительности, великое таинство претворенія „крѣпостной“ души въ „вольную“ совершилось въ самыхъ нѣдрахъ народнаго сознанія и именно въ тотъ торжественный моментъ, когда по всему лицу земли русской у народа выступили на глазахъ эти сладкія слезы. Онѣ, а не что иное, навѣки погребли въ русской исторіи кромѣшный адъ крѣпостного права...

Послѣ этихъ слезъ можно было попрежнему совершать надъ крестьянами какія угодно жестокія насилія, но отнынѣ въ народномъ сознаніи эти насилія уже утратили аттрибуты признаннаго наслѣдственнаго права или безправія: насиліе отнынѣ стало признаваться и называться произволомъ, наличность и формы котораго стали зависѣть исключительно отъ соотношенія и организованности матеріальныхъ и духовныхъ силъ въ странѣ.

VII.

Народныя слезы.

Какъ мнѣ хотѣлось бы закончить мой скромный отчетъ о видѣнномъ и слышанномъ въ моменть паденія крѣпостного права—этими добрыми и сладкими народными слезами!

Кто не испытывалъ на себѣ, стоя нетъ гробомъ даже чужаго человѣка, какъ невольно и заразительно выступаютъ слезы на глазахъ при видѣ неподдѣльнаго горя со стороны близкихъ родныхъ и друзей покойнаго?

Народное горе, какъ и народный смѣхъ, тоже заразительно.

И какъ не плакать!..

Вотъ цѣлая группа плачущихъ старухъ стоитъ на колѣняхъ близъ церковной ограды и молится, глядя на церковный крестъ. Среди нихъ бабушка Аксинья, заливаясь слезами, громко говоритъ свою самодѣльную молитву:

— Матушка Владычица! Пресвятая Богородица!.. Заступница Ты наша!.. Дошли, знать, до Тебя наши слезыньки!.. Услышалъ насъ царь-батюшка и царица-матушка!.. Привелъ намъ Господь дожить до великой радости!.. Спаси, Господи, и помилуй всѣхъ насъ, грѣшныхъ!.. Не оставь своей милостью!..

Плакала бабушка Аксинья, молча плакали другія старухи и бабы, присоединяясь мысленно къ громкой молитвѣ бабушки. Плакала стоящая рядомъ Оленька, плакали другія дѣти. Плакалъ и я...

Радостно на душѣ, а плачешь... заразительно, неудержимо плачешь...

Да... Такъ хотѣлось бы закончить свое повѣствованіе на этихъ сладкихъ слезахъ... Пусть послѣдующія десятилѣтія сами разскажутъ о своихъ радостяхъ и горестяхъ надеждахъ и разочарованіяхъ... Хотѣлось бы...

Но требованія исторической правды заставляютъ меня нарушить идиллію и дѣтски наивную народную радость перваго вольнаго дня упоминаніемъ объ одномъ негромкомъ, но многознаменательномъ событіи.

Въ день объявленія воли, когда народъ разошелся уже

по домамъ, на барскомъ дворѣ, по приказу не то барина, не то приказчика— хорошо не знаю,—выѣхали мого двоюроднаго брата Петруху Сухланку, о которомъ говорилось выше.

VIII.

Тучка разрастается.

Дѣло было такъ. Ѣхать на мельницу приходилось верстъ 5 полемъ и около 10—лѣсомъ. Отъѣхавъ версты двѣ-три отъ села, Петруха остановилъ свою лошадь, заявивъ, что онъ дальше не поѣдетъ и вернется назадъ... волю слушать.

Послѣ многихъ просьбъ и уговоровъ кое-какъ уломали его и поѣхали дальше.

При въѣздѣ въ лѣсъ онъ вновь остановился и рѣшительно заявилъ, что дальше не поѣдетъ.

Снова уговоры, снова чуть не силкомъ потащили его далѣе, приводя всевозможные резоны и, между прочимъ, то, что воля не уйдетъ, и что ужъ лучше бы съ мѣста никому не трогаться..

Поѣхали дальше. Но у Петрухи нетерпѣнье возрастало по мѣрѣ его удаленія отъ села. На какой-то верстѣ его терпѣнье, наконецъ, лопнуло, и онъ, ни слова не говоря, отстегнулъ свою лошадь, сѣлъ верхомъ и, не сказавши „прощай“, понесся назадъ въ село въ слабой надеждѣ застать еще волю...

Волю онъ, кажется, не засталъ, но пріѣхалъ достаточно во время, чтобы попасть на конюшню...

Это происшествіе и, особенно, наказаніе розгами тотчасъ послѣ объявленія воли никакъ не вязалось въ головахъ крестьянъ съ новымъ положеніемъ вещей. Но всеобщее молитвенное настроеніе и ликованіе способны были заглушить

или сдобрить сладкими слезами какую угодно индивидуальную горечь.

Лишь много позднѣе, когда острое ликованіе прошло и начался періодъ недоумѣнія, когда Петруха, добиваясь „правды“, не давалъ никому покою, крестьяне вмѣстѣ съ нимъ стали спрашивать разныхъ лицъ: можетъ ли баринъ сѣчь и наказывать вольныхъ людей?

Въ одно изъ воскресныхъ собраній, нашъ почтенный о. діаконъ, на запросъ по этому дѣлу, въ утѣшеніе крестьянъ такъ истолковалъ мнѣніе мѣстнаго благочиннаго:

Поелику Петруха Сухланка совершилъ предосудительное дѣяніе до законнаго объявленія царской воли, то и слѣдуемое за сіе возмездіе надлежало выполнить по уставамъ древняго благочестія.

Но... Довольно!

IX.

Заключеніе.

Отнынѣ русскій народъ вступаетъ въ новый историческій періодъ своей жизни, который закончится манифестомъ 17 октября 1905 г., и который можно назвать **періодомъ исканія правды у высшихъ**, періодомъ посылки ходоковъ.

Послѣсловіе.

Черезъ семь лѣтъ.

Предыдущія воспоминанія я писалъ, сидя въ тюрьмѣ, въ домѣ предварительнаго заключенія, въ Петербургѣ, будучи арестованнымъ по приказу царскаго временщика Столыпина, который рѣшилъ безъ суда сослать меня въ третій разъ въ Сибирь на 4 года. Писалъ я, уже будучи старикомъ

въ ознаменованіе 50-лѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ, 19 февраля 1911 г.

Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Болѣе полвѣка прошло со времени освобожденія крестьянъ. А сколько перемѣнъ! Ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать!..

Теперь всѣмъ извѣстно, какова оказалась эта царская воля. Воля безъ земли! Землю признали помѣщичьей, и крестьянъ заставили выкупать ее, растянувъ этотъ выкупъ на цѣлыхъ 49 лѣтъ, съ процентами по 6 руб. на 100. И крестьянство безъ земли вновь очутилось въ кабалѣ и у помѣщиковъ, и у чиновниковъ.

Въ существѣ дѣла перемѣна выразилась только въ томъ, что нѣсколько десятковъ тысячъ мелкихъ и крупныхъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ были уничтожены, и вся Русская Земля превратилась въ одно сплошное романовское помѣстье, и прежніе помѣщики—въ придворную челядь, дворянъ и царскихъ холоповъ, насмныхъ служилыхъ людей, какими въ крѣпостныя времена были приказчики, экономы, Фильки-рубачи, скоморохи и опричники, черезъ которыхъ всевластный и самодержавный помѣщикъ—царь и правилъ всей Русской Землей.

Полвѣка терпѣлъ русскій народъ. Постыдный провалъ самодержавія во время японской войны переполнилъ чашу терпѣнія и заволновался весь рабочій народъ, рабочіе и крестьяне. Но рабочіе и крестьяне въ своей темнотѣ начали борьбу за волю и землю не съ того конца. Они стали дѣлать стачки и громить помѣщичьи имѣнія, оставляя неприкосновенной ту государственную машину, которая охраняла существующій порядокъ, всѣ привилегіи богатыхъ и знатныхъ холоповъ въ крѣпостномъ романовскомъ помѣстьѣ.

Но вотъ открылась міровая война. Германскій Мальбрухъ, Вильгельмъ II, въ походъ собрался на покореніе міра. И

снова пришли великіе февральскіе дни. Разразилась великая русская революція. Помѣщикъ всея Руси очутился въ Тобольскѣ, и народъ въ первый разъ вдохнулъ полной грудью воздухъ истинной свободы и воли. Онъ сталъ полнымъ хозяиномъ Русской Земли.

Крѣпостная, холопская романовская Имперія по волѣ народа превратилась въ самую обширную и самую демократическую Федеративную Республику, какой не зналъ еще міръ.

Для устройства новаго государства, для обезпеченія судьбы всѣхъ будущихъ поколѣній русскаго народа было избрано Учредительное Собраніе изъ излюбленныхъ людей. Свѣтъ русской свободы озарилъ весь міръ и преисполнилъ радостью народы всего свѣта. Русскій народъ впервые получалъ подлинную Волю и подлинную Землю. Учредительное Собраніе было порукою въ томъ. Безъ него—нѣтъ и быть не можетъ ни Воли, ни Земли, ни справедливаго общественнаго порядка въ государствѣ съ 180 милліонами гражданъ, принадлежащихъ къ разнымъ вѣрамъ, языкамъ и національностямъ. Безъ Учредительнаго Собранія во время революціи всякій, самый многочисленный народъ превращается въ пыль и ничтожество.

Учредительное Собраніе,—новый хозяинъ Русской Земли,—представляющее свободную волю народную, по волѣ злыхъ духовъ разогнано. И вновь наступили смутныя времена.

И русскій народъ, ослѣпленный свѣтомъ свободы, не сообразилъ, что если нѣтъ воли безъ земли, то нѣтъ и не можетъ быть Земли безъ Воли.

И вотъ теперь у народа есть Земля, но нѣтъ Воли. И Воля и Земля—въ рукахъ внѣшняго врага. Россіи нѣтъ! Россія—прахъ!

Тяжело. Ужасно. Русскій народъ—великій и славный Русскій народъ, еще вчера гремѣвшій на весь свѣтъ, лежитъ

теперь безсильный, поверженный къ ногамъ безпощаднаго врага.

Тяжело и ужасно положеніе Русскаго народа, но не безнадежно оно.

Придетъ время, и русскій народъ оправится, и общій врагъ будетъ поверженъ въ прахъ! И вновь соберутся народы, населявшіе Русскую Землю, въ дружную семью. И вновь соберется Хозяинъ Русской Земли, и вновь введетъ Русскій народъ въ семью народовъ всего свѣта!

1-го Мая 1918 г., г. Москва.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ